

Евгений Щепетнов

Игрушка для дракона-2

Евгений Владимирович Щепетнов

Игрушка для дракона. Книга 2

Серия «Мир драконов», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69997480

Аннотация

Что должен делать попаданец в мире магии и меча? Ну конечно же – куда-то идти и бороться со злом. Ну а если он этого не хочет? Если все, о чем он мечтает – играть на гитаре, любить красивых женщин, развивать свой бизнес, колдовать и вообще наслаждаться жизнью?

Увы, наши желания не всегда совпадают с планами богов, бросающих нас по жизни, как мутный весенний поток – маленькую соломинку. Наслаждаться жизнью – дело хорошее, вот только эту жизнь надо еще и уберечь. Как и жизни твоих близких.

Андрей Костин теперь – предприниматель, торгующий редкостями. Получится у него бизнес, или нет – это покажет время. Слишком много вокруг людей, которым чужой успех колет глаз. Но и Андрей не так прост, голыми руками его не взять...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Евгений Щепетнов

Игрушка для дракона – 2

Глава 1

Я внимательно осмотрел каждый клинок – нормально, сойдет. Сделано качественно, всё так, как я хотел. И стилизованная буква «К» у самой рукояти. Ну а чего? Каждый уважающий себя оружейный мастер должен иметь свой товарный знак. Типа как Фаберже. Видишь клеймо – знаешь, что вещь классная. Конечно, «пираты» могут скопировать и лепить этот значок на свои железяки, но бог им судья и народный суд. То есть имперский суд. Тут за такие дела просто удавят. Деньги-то огромные.

– Скажите, уважаемый господин, – с недоверием глядя на то, как я копаюсь в оружии, спросил мастер. – Вы на самом деле считаете, что эти железки достойны *такого*? Ну... рукояти из мореного дуба, рисунок по клинку, клеймо... Кстати – что за клеймо?

Я с неудовольствием посмотрел на крепенького старичка, помолчал, и с нарочито-идиотическим пафосом ответил:

– Это самые лучшие клинки, которые только можно купить за деньги! Увидите, ими будут гордиться те, кто их купили!

Старичок молча и с жалостью посмотрел мне в глаза, и на его лице было написано: «Создатель лишил его разума, так что делать? Значит, такова судьба!»

Я чуть не расхохотался, но все-таки сумел сохранить каменную физиономию. Мастер молча принял от меня деньги, дал сдачу, и спросив разрешения, приказал помощнику перетаскать железяки в коляску извозчика.

Безусловно, старик был прав. Худшего «железа» надо было еще поискать! Я буквально за гроши скупил у оружейника все дешевые клинки, которые нашел. В основном это были бэушные железки, большинство из которых сделаны из самой дешевой стали, которую только можно было найти. В основном мечи и кинжалы, из которых можно было бы сделать что-то красивое и понтовитое. Оружейник, небось, был счастлив, что избавился от этой дряни. На его широком красном от жары лице было написано: «Покуда есть на свете дураки, обманом жить нам стало быть с руки». Этот гад хотел получить в два раза больше, но я сразу же обломал его розовые мечты, популярно рассказав, что конечно же развести лоха дело святое, и каждый купец просто-таки обязан это сделать, но все-таки надо иметь хоть маленький остаток совести, иначе все может закончиться не очень хорошо. Нет, я не впрямую ему это сказал, а эдак мягко намекнул, из-за чего рожа прохиндея стала чуточку менее счастливой. Будто лимон лизнул. Или что-нибудь другое, чем я ему поводил по губам. Но все равно он остался доволен, так как продал свой

металлолом раза в полтора дороже, чем собирался – гарантия!

Все это железное барахло я сразу же отвез к другому мастеру, где и договорился на то, что он заменит рукоятки клинков на благородные, и украсит оружие красивой гравюрой – картинки для гравюр я нарисовал. Это были стилизованные дракончики, мне показалось забавным.

Гравировка и замена рукоятей встали мне в приличные деньги, но я не жалел – даже один проданный клинок обеспечит меня на годы вперед. Не надо жадничать в таких делах.

Всего закупил двадцать два меча и десять длинных кинжалов.

Марина ждала меня в лавке. Вернее как ждала – она стояла на улице у входа и о чем-то горячо толковала с бригадиром, надзирающим за двумя работягами, водружавшими на свое место вывеску. Раньше на этой вывеске был нарисован мужской башмак в обнимку с женской туфлей, теперь же написано: «Лавка редкостей». Дешево и сердито.

С помощью извозчика я перетаскал оружие в склад, рассчитался с ним и отпустил. И только тогда попытался вникнуть в ту проблему, которую решала Марина.

– Ты чего шумишь? Что случилось? – тихо спросил я у нее, и девушка недовольно фыркнула, как рассерженная кошка:

– Ты только посмотри! Эти два придурка пришли на работу пьяными! От них воняет, как из трактира на празднике

урожая! Мы отдали за вывеску сумасшедшие деньги, а они сейчас ее уронят и поцарапают! Ну как так можно?!

– Ну что вы госпожа такое говорите? – вяло трепыхнулся бригадир – И ничего такого не будет! Парни ловкие, как обезьяны, и даже если немного выпили, все равно умеют работать! А если уронят – я вам поставлю эту вывеску бесплатно!

Мда. Зря он это сказал. Один из рабочих тут же оступился, покачнулся, и... вместе с вывеской полетел на куст, растущий у выхода из лавки. Это его и спасло. Не куст – кусту пришлось несладко. Рабочего. Тяжелая вывеска конечно же нанесла урон его голове, но зато куст не дал сломаться заднице несчастного. А что такое голова? Предмет темный. Поболит, поболит, и перестанет. Кость же, чему там в голове болеть?

– Это я так... ради красного словца сказал! – тут же брякнул покрасневший бригадир, но было уже поздно. Новоявленная купчиха взяла его в оборот:

– Слова были сказаны! – мстительно сказала Марина – Что, не хочешь выполнять условия сделки?! Я сейчас пойду к стряпчему и составлю иск в суд! Все слышали, как ты сказал, что если вывеску уронят, ты поставишь ее бесплатно! И я еще погляжу – вдруг краска откололась! Тогда ты будешь всю вывеску заново рисовать! Все слышали, что он говорил?

Это она зевакам, которые с удовольствием наблюдали за процессом установки вывески. Ведь нет лучшего занятия, чем наблюдать за тем, как некто не просто работает, а еще

и хреново работает.

– Да! Да! – завопили базарные зеваки, и бригадир совсем сдулся и помрачнел:

– Ну, хотя бы половину заплатите... хоть на опохмел! Вчера у парня день рождения был, вот и приняли лишнего. Сейчас все сделаем!

– Я еще погляжу – что там с краской! А то и должен останешься! – зловеще зыркнула Марина, и сейчас она была похожа не на красивую молодую женщину, о которой мечтает любой половозрелый человек мужеска пола, а на легендарную Медузу Горгону. Прекрасную, и злую, как десять чертей.

Я не стал дожидаться развязки, пошел в лавку. Пусть Марина воюет, такое ее купеческое дело! А я так... на побегушках. По крайней мере до поры, до времени роль моя такова.

Для всех – главная тут Марина. Истину знают немногие – стряпчий, например, но он вроде как не из болтливых, и я заранее его предупредил, чтобы не распространялся насчет моей истинной роли в приобретении лавки. Даже денег за это ему дал.

Внутри все было перестроено. Стены обили темной тканью, поставили магические светляки, которые подсветят эти самые редкости, которые собираемся продавать. Прилавок перегораживал комнату на две части, и чтобы добраться до Марины, стоявшей за прилавком, нужно было пройти через калитку. Войти, ухватить что-то и убежать тоже не по-

лучится. Дверь, когда входит покупатель, запирается дистанционно. Как оказалось, такие запоры стоят у всех торговцев ювелирными изделиями, так что не пришлось заморачиваться, выдумывая велосипед. Вошел, Марина тянет за рычаг, в дверь вдвигается здоровенный металлический штырь. И никакой тебе магии!

Да, существует опасность нападения на продавца – захватят, попытаются заставить открыть дверь. Но и этот случай я постарался предусмотреть: как только Марина почувствует опасность, она прыгнет за дверь, ведущую в комнаты отдыха и склад, захлопывает ее, отрезая нападающего от своей персоны, и уже оттуда другим рычагом блокирует первый рычаг. Все! Ловушка захлопнулась!

Окон в помещении нет, а двери усилены мной так, что их вряд ли можно было бы разбить даже из гранатомета. Я использовал магию земли, уплотняя деревянные дверные пластины, и это дерево не поддастся даже моим клинкам, не то что каким-то там простым топорам или кувалдам. Даже мои модифицированные клинки будут расковыривать дырку в двери не менее чем пару часов. А за это время я сумею организовать супостатам достойную встречу. Главное, чтобы Марина сумела выбраться через заднюю дверь, которую пришлось проделать в тыльной стене.

Конечно, как и всегда бывает, нет стопроцентной гарантии в том, что разбойники, если таковые найдутся, не заблокируют лавку со всех сторон. Они по определению идиоты,

но среди них попадаются и головастые ребята, которые потом, со временем, становятся эффективными менеджерами и депутатами. Впрочем, это уже другая история.

Почему разбойники почти всегда идиоты? Да потому, что в большинстве своем банды состоят из неудачников, неспособных заработать деньги на безбедную жизнь. И кроме того – только идиот может думать, что грабежами и разбоями можно нажить капитал. Как я некогда читал про пиратов, они жили не более двух лет. Потом их или ловили и вешали, или просто топили в море. Исключения вроде Моргана и иже с ним только подтверждают это правило.

Лавку я превратил в нечто подобное доту, или огромному сейфу. Без разрешения хозяев в нее нельзя было войти, и нельзя лавку покинуть.

Склад, который оказался довольно-таки большим, превратил в подобие мастерской. Поставил окованный жестью стол, на котором имелись тиски, повесил магические фонари, ярко освещавшие помещение. Здесь имелось все нужное для того, чтобы без помех магичить и при этом не сжечь дотла всю лавку. И вытяжку сделал над столом – большую дыру, закрытую решеткой и люком, поднимаемым изнутри.

Все переоборудование заняло у меня неделю, и выбило довольно-таки приличную сумму из моих невеликих капиталов. От них теперь осталось всего пять золотых (в пересчете на медяки и серебро), так что если я в ближайшую неделю не продам хотя бы одну вещь... в общем, нам всем придется

потуже затянуть наши пояса. Всем – это мне, Марине, и ее дочке Анни, которая лопала все подряд, как прожорливый снегоуборщик.

С того дня, как я купил лавку и заключил договор с Мариной прошло десять дней. Все это время мы с моей бизнесумен провели в бегах, обустроивая рабочее место и закупая товар. Домой приползали усталые, потные, и нам было совершенно не до любовных страстей. По крайней мере – Марине. Она и не заикалась о том, что пора бы исполнить свое обещание и допустить ее в мою постель. Ну а я не настаивал, дожидаясь, когда женщина сама сделает первый шаг. Потом, всё – потом! Первым делом лавка, «ну, а девушки, а девушки потом!».

Впрочем, мне самому было не до любовных игр. Как оказалось, работа с магией отнимает столько сил, что это равносильно тому, как если бы я весь день с рассвета и до заката разгружал вагоны. Откуда знаю? Да был в моей жизни такой факт... подрабатывал грузчиком. И только лишь скажу, что за эту работу так просто деньги не платят.

Только представить, что мне пришлось обойти всю лавку и укрепить магией каждый сантиметр ее поверхности, и все сразу станет ясно. Оказалось, что работать с металлом гораздо легче, чем с деревом или камнем. Дерево и камень – это хаос, а упорядочить хаос задача не то чтобы сложная... она почти невозможная. Как уплотнить дерево, чтобы оно сохранило вид дерева, но стало тверже стали? Как уплот-

нить камень, не разрушив кладку и не уменьшив его объем? Как работать с уплотнением дерева так, чтобы оно просто не вспыхнуло? Я, когда модифицировал ножи, убедился, что любое уплотнение материи вызывает высвобождение тепловой энергии. И стоит мне хоть немного ошибиться с той же дверью – получу вместо нее фонтан огня. Черт с ней, с дверью – новую поставлю, но как объясню то, что с ней случилось? С чего она вдруг вспыхнула?

Да, пришлось попотеть, чтобы поскорей начать зарабатывать деньги.

Ну да, я могу пойти в трактир и заработать на жизнь своей игрой на гитаре, но пока что в этом необходимости нет, а светиться без нУжды я не хочу. Раз уж решил уйти в тень, спрятаться от настырной девчонки, желающей залучить меня в свои мужья, значит, так тому и быть. Иначе на кой черт я все так хорошо продумал и осуществил? Нет, не обольщаюсь – в конце концов папаша Мори меня найдет, но к тому времени я буду самостоятельным, обеспеченным идалго, и он не будет разговаривать со мной снисходительно-свысока. Надеюсь, что ни он, ни его дочка не затаили на меня обиды. Обиженная, оскорбленная в своих чувствах женщина – страшный враг. Особенно, если у нее имеется богатый папа, за годы своей работы обложившийся десятками и сотнями полезных связей.

За эти десять дней Анни стала ходить, да не просто ходить, а бегать, как шаловливый щенок. Носилась по всему дому, как ураган, и уже ничем не напоминала ту несчастную девочку, лежавшую на постели, и смотревшую на мир с укором больного ребенка: «За что мне такое?!». Она пополнила, окрепла, и теперь спокойно оставалась дома, и даже пыталась помогать матери по кухне. Раскатывала с ней тесто, резала начинку для пирожков, варила бульон. На удивление умная и развитая девочка. Когда я с ней говорил, у меня было ощущение, что говорю с девятиклассницей. – настолько она была рассудительной и деловой.

– Дядя Роб, а почему ты нам никогда не играешь на балларде? – Анька испытующе и строго посмотрела на меня – Это нехорошо!

Смотрю на девчонку, и чувствую – да, нехорошо! Ну вот как так? Сегодня у нас почти выходной – мы приехали домой не к ночи, а часа в четыре дня. Имеем право! А раз выходной – значит, должна быть музыка.

– Согласен – так же серьезно киваю я. – Виноват! Буду исправляться. Пока твоя мама разогревает нам ужин, я вам поиграю.

– Вот! – Анька поднимает указующий перст, целясь им в потолок – Мама всегда говорит, что если что-то плохое сде-

лала, надо признавать свою ошибку. Это уже половина прощения!

Я фыркаю, смотрю на спину Мари, которая возится у плиты, разжигая огонь. Спина подозрительно вздрагивает, и, похоже, что не от плача.

– Ты маленькая зануда, – улыбаюсь я. – И я не завидую твоему будущему мужу. Ты ему все мозги съешь!

– И чего это я буду ему мозги есть? – задумчиво говорит Анька. – И вообще, дядя Роб, с чего ты взял, что жены едят мозг мужа? Хотя... мама как-то сказала, что есть такие безмозглые мужчины, что непонятно, как они вообще живут без мозга. Наверное, им попались жены, которые едят мозги.

Спина уже не вздрагивает, она дергается, и я слышу сдавленное сопение и хрюканье. Мда...

– И вообще, с чего ты взял, что у меня будет какой-то муж? Я выйду замуж за тебя.

– Что?! – ахаю я – И вот даже не надейся! Ты не только мне мозги съешь, но и кровь всю выпьешь!

– Кровь? – задумчиво протянула Анька – Хмм... интересно. Жалко, что у меня книжек мало. Я бы почитала про кровь. Может она вкусная?

– И вообще, с чего ты решила, что я возьму тебя в жены, козявка ты эдакая?!

– Ну, сейчас козявка, да... но лет через десять я буду взрослая – рассудительно заметила Анька, и сунула палец в ноздрю, то ли почесывая, то ли доставая козюлю, из-за че-

го следующие ее слова получились слегка гнусавыми. – Ты красивый, сильный. Маму ты в жены брать не хочешь – она мне сама сказала. Так что никуда не денешься – мы с тобой поженимся.

Спина перестала вздрагивать, и раздался явственный «ой!».

– Я буду красивая, как мама! – Анька что-то такое достала из носа и пристально это разглядывала. – Ты влюбишься и женишься. А мама будет бабушкой!

– Нет! – резко говорю я, хмуря брови – Ты козюльки прилюдно достаешь! И кидаешься ими! Невоспитанная! Потому не женись на тебе.

– Ну... – протянула Анька, скатывая нечто в шарик – Что мне теперь, есть их, козюльки эти? И вообще, дядя Роб... по-моему ты не знаешь, почему люди женятся. Думаешь только потому, что невеста не достает козюльки? Рассказать тебе, зачем женятся?

– Эмм... – не нахожусь я что сказать, а от плиты слышится сдавленный хохот – Я у твоей мамы спрошу. И вообще, откуда ты столько знаешь о женитьбренных делах?

– Книжку читала. Мама рассказывала. Я ее спросила, она и рассказала. Интересно же!

Я молча повернулся и пошел из кухни. Уже когда подходил к своей комнате издали послышался тихий голос Марины – она что-то выговаривала Аньке, а та ей громко отвечала что-то вроде: «И чо?! Ну и чо?! Ну а чо он?! И чо я?»

Потом я им играл. Играл все, что знаю, все, что умею. Играл хорошо, в полную силу. Вначале не собирался этого делать, мол, поиграю чутокА, пальцы разомну (давно не играл), ну и хватит. Но втянулся, и пальцы забегали по струнам, и начал вкладывать в игру все эмоции, которые содержались в песне. А гитара-то моя непростая! Это же магический артефакт, передающий эмоции!

Опомнился, когда увидел, как мать, и дочь плачут, сидя рядом друг с другом на стуле. Я им как раз пел песню о двух братьях, ушедших в наемники (на Земле слышал, в инете), про то, как они погибли, убив друг друга, и лежали мертвые на поле боя. Так вот мои девчонки начали рыдать. Пришлось им спеть песню про зайцев (да, тут самую, Никулинскую), а потом спел совершенно идиотскую песню, которая некогда поразила меня своей простой и... тем, как она сумела зацепить такое количество народа. Когда я посмотрел ее на Ютубе, у нее было двенадцать миллиардов просмотров (двенадцать, Карл!). «Я акула, мама моя акула, папа акула, вся моя семья акулы и мы охотимся. Берегитесь, рыбки!» – и ВСЕ! Черт подери! Двенадцать миллиардов!

Мне интересно было, как на ЭТО отреагирует Анька. Перевести «песню» как два пальца об асфальт. Мелодия вирусная. Ну-ка, что получится?

А получилось вот что: Анька вначале вытаращила глаза, раскрыла рот, глядя на меня, как на чудо, а потом начала повизгивать, подпрыгивать и подпевать. Мотив она схватила

молниеносно, слова запомнить раз плюнуть, так что...

В танец пустились обе – и мама, и дочка, держась за руки кружились, хохотали, а я играл и пел, изображая голосом то папу-акулу, то маму, то бабушку. Меня самого разбирал смех, когда я смотрел на эту счастливую парочку.

А потом мы ужинали. Ужин купили в трактире, я настоял. Готовить некогда, а кормят тут в трактирах дешево и вкусно, и пожалуйста – сколько хочешь бери на вынос. И пироги, и похлебку, и сладости. Да, сладости – как всегда купил Аньке пирожное. И как всегда – не такое, какое покупал вчера. Это тоже что-то вроде игры – она ждет, гадает, какое же пирожное в этот раз купит дядя Роб?! А мне хоть какая-то отдушина в жизни, как с котенком поиграл. Сплошной позитив. Ну не все же время угрюмо зарабатывать деньги, и думать о том, как бы выжить? В жизни должно быть место и радости, иначе нафига такая жизнь?

* * *

Марина сидела за столом, подперев подбородок руками и смотрела в окно. Ночь. За окном темно, и только в конце улицы светится одно окошко – там живет пекарь Нелан, для него нет ночи и дня. Ночью он месит тесто, печет хлеб и пироги, чтобы жена и дочь утром их продавали в лавке. Тяжелая работа. Марина знает, она иногда ему помогала. Платит он мало, но к плате дает еще и пирог. Правда работа у

него перепадала нечасто. Обычно ему помогает родня. Марина подозревала, что приглашал он ее иногда только для того, чтобы подкормить. Хороший человек Нелан.

Все остальные спят – спит улица, спит город. Спит дочка Анни, которая чудом встала на ноги. Спит и Чудо, которое прислал к ней Создатель. Ангел во плоти, который спустился на землю чтобы спасти и Марину, и Анни.

Когда Марина увидела его впервые, она просто обмерла. Молодой, красивый, он смотрел на нее так доброжелательно, так хорошо, что Марина сразу поняла – этот не обидит. Нет, она чувствовала его интерес к ней, как к женщине, но опасности от него не исходило. Она научилась чувствовать людей за годы мытарств и лишений.

А потом все закружилось, понеслось вскачь, как взбесившаяся лошадь. Оглянуться не успела, а уже стала важной купчихой, которая сидит в лавке и командует строительными рабочими. А ведь прошло всего ничего – какие-то две недели!

Кто он? Откуда взялся? Зачем он здесь? Марина не знала, и не сказать, чтобы не хотела узнать, только ужасно боялась, что это знание будет для нее неприятным. Лучше так – у них договор, и они вместе работают.

Она со стыдом вспоминала то, как Роб оттолкнул ее от себя. Марина тогда будто сошла с ума, ей так захотелось мужской ласки, что она не смогла сдержаться и повела себя как последняя шлюха. И при воспоминании об этом у нее горе-

ли щеки. И вот теперь, сидя за столом, Марина сторала от желания отправиться в постель к своему (да, да! Своему!) мужчине, и боялась – а вдруг оттолкнет? Вдруг воспримет это за желание привязать его к себе? Он ей четко и ясно сказал: да брак пускай не рассчитывает. Оно и понятно – зачем ему, красивому, молодому, богатому и родовитому магу какая-то несчастная вдовушка с «довеском» на руках? Она старше его, а еще – нищая, и уже измотанная тяжелой работой женщина. Нет, Марина ему не пара.

А сейчас она вспоминала годы, прожитые с покойным мужем и думала – что бы тот сказал, если бы узнал, что жена мечтает о чужом мужчине? О молоденьком мальчике, которого божьим ветром занесло в их дом? И ей хотелось плакать. Она чувствовала себя предательницей.

А потом Марина встала, и не зажигая света пошла туда, куда и хотела, тихо, очень тихо ступая босыми ногами.

Дверь в спальню открылась бесшумно. Запор имелся, но Роб никогда не запирает дверь. Марина дважды приходила к нему ночью, открывала дверь, стояла, и прислушивалась к дыханию спящего парня, раздираемая желанием и стыдом. А потом уходила, так и не решившись подойти ближе и сделать то, что мучительно хотела все эти дни. И при этом Марина знала, что Роб специально не закрывает дверь. Для нее. Чтобы она когда-нибудь все-таки вошла. И знала, что ему известно о ее приходах. Хотя он ни разу ничем не выдал себя.

Марина постояла на пороге, и прикрыла дверь, закрывшу-

юся без стука и скрипа. Она нарочно смазала петли еще две недели назад.

Роб спал – ровное дыхание, как дуновение ветерка. Марина взялась за подол рубахи, потянула его вверх, и шелковая рубаха, подарок покойного мужа, тихо скользнула на пол. Женщина постояла еще секунд десять, прислушиваясь, дрожа то ли от сквозняка из открытого окна, то ли от страха, то ли от желания, и когда с кровати раздался голос мужчины, вздрогнула, и дернулась к двери, будто собралась убежать.

– Иди сюда, хватит там стоять. Замерзла, небось. Я тебя заждался!

И Марина не стала больше медлить. В два шага подошла к широкой кровати, на которой они с мужем некогда зачали Анни, сдернула с мужчины одеяло, и бросилась на обнаженное тело так, будто прыгала в воду.

– Тише, ты чего! – охнул и хихикнул Роб. – Раздавишь! Я хрупкий, нежный, меня надо ласково!

Марина неожиданно для себя хихикнула (уж она-то знала, какая силища таится в этом на вид совсем не могучем теле!), и быстрым движением змейки, охотящейся за птенцом, переползла так, чтобы ее губы оказались напротив губ мужчины.

С минуту они целовались. Марина захлебываясь впивалась в упругие, сладкие губы любовника, постанывая и задыхаясь от желания. Она так долго была без любви, без ласки! Марина настолько забылась, распластавшись на теле мужчи-

ны, что ей вдруг на мгновение показалось, что сейчас она целуется со своим мужем, и только усилием воли заставила себя не произносить его имя. Она вспомнила, что это не муж.

А потом Марина уселась верхом, протяжно, будто от боли протонав, и он был в ней. Он пронизал ее тело едва не до горла – так ей показалось, и она забыла обо всем на свете, сейчас существовали только два обнаженных горячих тела, а мир пусть подождет. Им сейчас не до него. И это было так, как она представляла в своих мечтах. И даже лучше.

А потом они лежали, прижавшись друг к другу – Марина обняла Роба левой рукой, закинула на него левую ногу и уткнулась ему в подмышку, нюхая терпкий запах мужского пота, который она не чувствовала целую вечность. В голове было пусто и ясно, и Марине хотелось, чтобы так хорошо ей было всегда. И еще она подумала, что наверное любит этого парня. А муж, любимый муж, если смотрит сейчас на нее с небес, будто только рад за нее. Он был таким хорошим человеком, и так ее любил, что по-другому и быть не может. Ведь если бы она умерла, он бы тоже нашел себе другую женщину. Ведь это жизнь. Так бывает всегда. И она бы радовалась за него.

А потом Роб перевернул ее на спину, положил ее ноги себе на плечи и снова взял – жестко, но ласково. И не было этой сладкой муке конца.

И они отдыхали. И снова он ее брал, а она его ласкала – так, как могла, и так, как умела, со всем пылом истосковав-

шейся по мужской ласке женщины. И уснули они только под утро, усталые, но довольные, как две акулы, наевшиеся пиратами (это Роб так сказал).

А когда настало утро, и солнце пробилось через неплотно задернутую занавесь, Марина выскользнула из постели, и отправилась в ванную комнату, где на стене висело огромное, почти в полный рост зеркало, купленное Марине мужем на первую годовщину свадьбы. Очень дорогое, очень редкое зеркало – которое она так и не решилась продать.

Марина сходила в туалет, тщательно отмыла следы ночных безумств, наслаждаясь струями теплой воды (нагреватель поставили!), растерлась пушистым полотенцем, радуясь ощущению чистой кожи и внезапно накотившему ощущению здоровья и молодости, и обнаженной подошла к зеркалу, чтобы расчесать волосы. И невольно закричала от удивления, глядя на свое отражение в зеркале.

Эту женщину... эту девушку она не знала!

Глава 2

У меня тонкий слух. Так что шлепанье босых ног в коридоре я слышу так, будто это грохот армейских берцов. И петли дверные все равно скрипят – тихо, но явственно. Ну и сквозняк никто не отменял. Так что застать меня врасплох практически невозможно. И не то, чтобы я ожидаю нападения, но... бизнес мой непростой, вещички денег стоят, потому инстинктивно настроился на любые неожиданности.

Слышал я Марину, чего уж там. Дважды приходила, но так и не решилась залезть ко мне в постель. Ну а я искренне сожалел, что в тот раз ее так безжалостно и даже грубо от себя отбросил. Надо же понимать было – девчонка несколько лет прожила одна, без мужской руки... и не в сексе дело, она искренне хотела отблагодарить меня одним, единственным доступным ей способом. Больше-то у нее ничего нет. Не раз, и не два ругал себя за бесчувственность, но поделаться уже ничего нельзя. Ну а сам я первый шаг делать не собирался – пусть созреет, пусть решится. А если не решится... значит, не судьба. Меня устраивает и то, что она станет просто наемной работницей. И другом.

Бог троицу любит. Хватит уже бродить по ночам и пугать! Так что пришлось взять инициативу в свои руки – позвал. Смешно, но девчонка чуть не сбежала – перепугалась, дернулась к двери, но... все-таки решилась.

А ночь была хороша. Вот все-таки две большие разницы в том, занимаешься ты сексом со случайной партнершей, или же с тобой женщина которую ты давно хотел, которая снилась тебе в эротических снах (да, да, каюсь! вот же дошел до чего...), и которая тебя искренне хочет, а не отработывает повинность.

В общем, это была ночь чудес. Девчонка дорвалась до мужика, да и я... когда в последний раз был с женщиной? Уже и забыл... а кровь-то кипит! Гормоны играют! Кстати, преимущество молодого тела – я уж и забыл, как это бывает, когда процесс практически непрерывен, и тебе даже в голову не приходит отдохнуть, поспать, «перекурить», и вообще – разок-другой и хватит. Даже не ожидал, что мое нынешнее тело такое... хмм... жеребьячье.

Впрочем, Маринка была совершенно не против. Подозреваю, что у нее и с покойным мужем никогда такой ночи не было. Ну... да, да! Хочется так думать! Каждый мужчина обязательно надеется, что он круче, чем предыдущий партнер женщины, с которой он спит. И очень хочет услышать это от женщины. Но это не точно.

Марина уже спала, улыбаясь во сне, потная, растрепанная, пахнувшая сексом и почему-то молоком, а я лежал, заложив руки за голову, и думал обо всем на свете. Например, о том, как будет жить моя нынешняя подруга, когда я все-таки исчезну. А я исчезну, без всякого сомнения.

Еще думал о том, что случилось с драконами. Живы ли

они? Если живы – что сейчас делают? Увижу ли я их еще? Айя... девочка... я скучаю по тебе. Создатель, если ты есть, сделай так, чтобы она была жива! Вот немного укреплюсь в этом мире, встану на ногу, налажу свое дело, и... отправлюсь искать драконов. Моих драконов, до чужих мне дела нет.

И снова мысль перешла к моим отношениям с Мариной. Вообще-то я эгоист. Ну да, самый настоящий эгоист. Думаю только о своих благах, о себе любимом. Женщина в меня влюблена, а я ее сходу отбрасываю. Зачем? Влюбил в себя, и теперь рожи строю? Зачем приручал? Зачем давал надежду?

Хмм... а я давал эту самую надежду? Сразу все расставил по своим местам, объяснил, что мы не созданы друг для друга. В чем моя вина? В том, что допустил ее в свою постель, а не ограничился деловыми отношениями? Так мы же взрослые люди, она должна была думать, а что шла. А я ее предупредил. Так что...

Осторожно сажусь на край кровати, стараясь не разбудить. Впрочем, ее сейчас похоже что из пушки не разбудишь. Вон как спит – как усталая кошка! Ноги и руки разбросала – морская звезда, да и только. Красивая... звезда. И все равно я вижу, что жизнь оставила на ней свой отпечаток. Женщины, прибитые горем, стареют быстро.

Что я могу для нее сделать? Ну, например, оставить ей капитал, достаточный для того, чтобы безбедно жить и поднять дочку. Маринка баба экономная, рукастая, она на несколько тысяч золотых проживет много, очень много лет. А если еще

займется торговлей, так и вообще будет жить сытно и хорошо. Купеческая жилка у нее есть, с людьми работать умеет – хватка, как у акулы! Вон как строителями рулила. А что для меня несколько тысяч золотых? Один клинок, и час работы. Изматывающей, тяжелой работы, но ведь не целый день вагоны разгружать! Да я этих клинков напеку, как горячих пирожков! То есть капитал для работы и жизни у нее будет.

Еще что? Могу омолодить. Сделать такой красивой, что все здешние красавицы губы искусают от зависти!

Впрочем, это уже глупость. Что такое красота? Ну, вот в одном африканском племени самыми красивыми считались женщины, на задницу которых можно поставить стакан пива. Когда женщина стоит вертикально. Да, с моей точки зрения – уродство, но по их понятиям огромная отключенная задница – невыразимая красота.

Как обстоят дела с красотой здесь, в этом мире, а конкретно, в этой империи? Ну что сказать... сдается, то же самое что и на Земле. Слишком тощие не в чести, толстухи тоже, а вообще, как сказал классик, «Один любит арбуз, другой – свиной хрящ».

Тогда надо брать за образец кого-то из земных красавиц. Какую-то супермодель, например. Хотя... на мой взгляд, большинство из них просто вешалки, на которых нарисованы лица. Без слез не взглянешь. И вообще надо думать о другом: а как воспримут улучшение внешности окружающие нас люди? Ну, вот выходит она на рынок, такая вся из себя

невероятная красавица, и что будет?

А ничего не будет, кроме того, что мужчины станут на нее слюни пускать, а женщины станут завидовать. Те, кто ее знает, решат, что женщина помолодела от любви, и от того, что стала хорошо жить.

Как ни странно – так бывает. Я сам такое видел. От любви, женщины, которые считали себя некрасивыми и никому не нужными, расцветали, становились если не красавицами, то милыми и хорошенькими – точно. Так что с этой стороны все в порядке.

Ну а раз в порядке, так почему бы тогда мне не потренироваться? С Мори у меня получилось, а здесь чем сложнее?

Поворачиваюсь к спящей женщине, и одним прикосновением вгоняю ее в транс. Или как еще назвать это состояние, которое и не сон, и не смерть. Теперь она ничего не почувствует, и ничего не запомнит. Проверено.

Перетаскиваю ее на стол. Когда начнется модификация, организм может так сказать расслабиться... не хочется спать на описанных простынях. Да и перине будет нанесен непоправимый ущерб.

Ну что же... начинаю вспоминать размеры, которые на Земле считаются наилучшими – длина ног, длина рук. Все ведь не так просто... удлинишь ноги, и будет ходить как цапля. Небось, после спасибо не скажет. Пропорции надо соблюдать.

Ладно. Подумаю, как ее апгрейдить. Но пока что уберу то,

что наделали время и невзгоды. И первым делом – убрать морщинки вокруг глаз.

Сделано.

Теперь – груди. Пусть торчат, не отвисают. Поменьше стали, да, но зачем ей здоровенные дойки? Второй размер самое то!

Уберем родинки, пятнышки, все, что может представлять опасность и просто неэстетично. Родинки, это такая хитрая штука... она ведь может и переродиться, стать раковой опухолью. А нам это не надо!

Убираем целлюлит и растяжки.

Живот – как у гимнастки, аж самому завидно стало. Плоский, с квадратиками! Хотя у меня ничуть не хуже. Живот у нее после родов стал чуть-чуть отвисать, так теперь как у шестнадцатилетней девочки-спортсменки.

Ноги... удлинять, или нет? Ладно, голени сделаем подлиннее, мышцы на них наростим покрупнее. Теперь стала выше сантиметров на пять – за счет ног. Бедра сухие, мускулистые, но в меру. Спортивные.

Попа у нее и так было что надо, но лишний жирок с нее уберем. Пусть будет твердой, как орех. Меньше стала? Тоже хорошо.

Волосы с тела – долой! Теперь вообще не будут расти. Гигиена – залог здоровья.

Кстати, девчонка очень чистоплотная. От нее всегда пахнет хорошо, и волосы на голове чистые. Постоянно моет их

каким-то травяным отваром. Но вот постричь... а сделаю я ей прическу! Ну типа «под Мирей Матье».

Черт! А почему я именно под Матье решил сделать?! А вот почему – Марина очень похожа на молодую Мирей Матье. Если той сделать волосы светлыми, и вставить голубые глаза – ну точно Марина! По крайней мере на лицо. Фигуру Матье я не особо помню, но сдаётся, что у Марины фигурка получше.

Готово.

Ну а теперь – пройтись по всему организму, устранить неприятные моменты... если таковые найдутся. Болезни, опухоли, еще что-нибудь.

Таак... а это что у нее? В подмышке? Сияет так, что ай-яй! Ага... это же амулет от беременности. Собиралась поставить, и вставила. Молодец, чего уж... захочет забеременеть – уберет.

Желудок... похоже что гастрит. Оно и немудрено – питалась плохо. Убрать!

Пальцы, суставы, уже начало закорючивать – ледяная вода здоровья не дает. Даже моржевание, что бы там не говорили адепты проруби.

Работа заняла минут сорок, и к самому концу сеанса я изрядно устал. Даже голова заболела. Так много я еще не лечил. С Анькой все было проще – восстановил порванные нервы, поправил позвонки, еще кое-что исправил, и пошла себе гулять. А тут получились такие масштабные измене-

ния... ведь на самом деле я производил не пластическую операцию. Это было масштабное вмешательство в организм. Фактически, вместе с внешними изменениями, я каким-то образом изменял и геном этого организма. Что толку заниматься липосакцией, если жир потом вернется? Что толку изменять форму тела, если организм, следуя заложенной в него программе, восстановит все, что я с таким трудом исправил? Нет уж... изменять, так навсегда. Теперь Марина до самой глубокой старости будет стройная, легкая и красивая. Даже если будет лопать самое жирное, сладкое и вредное, что имеется в этом мире.

Я немного подстегнул ее обмен веществ – пусть сжигает калории поактивнее. А еще – теперь она будет быстрее и сильнее. Если кто-то захочет ее обидеть – она или сумеет убежать, или так врежет, что обидчик горько пожалеет, что с ней связался.

Ну вот, теперь все. С чувством глубокого удовлетворения осмотрел то, что получилось, и довольно улыбнулся: передо мной на столе лежала красотка, которой при самом строгом взгляде не дашь больше шестнадцати-семнадцати лет. Если подкрасится, состарит себя – станет выглядеть лет на двадцать.

И мне нравится то, что получилось. Первый блин не комом, господа присяжные заседатели!

Как была, голышом, Марина помчалась в спальню, и ворвавшись в комнату начала трясти Роба за плечо:

– Вставай! Да вставай ты!

– Что? – парень со стоном повернулся, ложась на бок (он спал ничком, раскинув руки в стороны. – Ты еще хочешь? Ненасытная... заездила!

– Это ты! – выдохнула Марина, не в силах подобрать слова.

– Это я, – открыл один глаз Роб. – А ты ожидала увидеть самого Создателя? Или думала, меня подменили, пока ты ходила в туалет?

– Да нет же! Это ведь ты со мной сделал! – Марина задышалась от переполнявших ее чувств. Ей одновременно хотелось и врезать чем-нибудь тяжелым по голове этого негодника, и обнять его обеими руками, вцепиться, и не отпускать.

– Что сделал? Ну что ты пристала! – простонал Роб, и снова закрыл глаза. – Ну дай ты мне поспать, неугомонная! Горячая штучка!

– Ты... ты... – Марина захлебнулась словами, не нашлась что сказать, махнула рукой и повернувшись, пошла из спальни прочь. И не видела, как Роб довольно ухмыльнулся, провожая ее взглядом.

– Отлично получилось! Красотка, что надо! – пробормо-

тал он себе под нос на неизвестном Марине языке, и через минуту уже сопел, выводя носом соловьиные рулады. Ну а Марина пошла в свою комнату, где быстро оделась, надев одно из платьев, купленных ей Робом. И это платье стало ей чуть-чуть, но великовато. Грудь стала меньше, бедра уже. А еще – ноги явно были длиннее. Сразу вроде и не видно, но подол приподнялся почти до неприличной высоты.

А прическа?! Откуда у нее взялась такая прическа?! Никто не ходит с такими прическами! Но надо признать – эта прическа ей идет. Красиво!

* * *

– Мари! Ты ли это?! – пекарь ахнул, и тут же закричал вглубь пышущей жаром пекарни. – Перилла, иди скорее сюда! Иди, посмотри, какая стала Марина! Да не пожалеешь, иди!

Из коридора вышла измученная, усталая женщина лет пятидесяти на вид. Увидев Марину, замерла, широко раскрыв глаза, издала какой-то непонятный звук (нечто среднее между стоном и смешком), и стояла так секунд десять, видимо не в силах ничего сказать. Затем опомнилась и бросилась к девушке, стала обходить ее по кругу, прицокивая и мотая головой, будто не верила тому, что видит.

– Ой-ей! Вот это да! Ты стала такая молодая! Что случилось?! Нам сказали, у тебя поселился какой-то юноша! Мы

так рады за тебя! А прическа какая красивая... А еще, видели твою Анни, бегающей по двору! Нам дети сказали, что она совершенно здорова! Как это понять? Ты давно уже к нам не заходила, как живешь? Чем зарабатываешь на жизнь? Тебя мужчина содержит?

– Тетя Пери, – нахмурилась Марина. – Это мое дело, кто меня содержит. Но чтобы не было никаких разговоров – я теперь торгую на рынке, у моего жилья там лавка редкостей. Зарабатываю золотой в месяц. Очень довольна. Еще он платит мне за жилье. А то, что Анни начала ходить, так это моими молитвами. Я сильно молилась, и Создатель услышал мои молитвы. А теперь, пожалуйста, продайте мне три пирога с мясом, сладких булочек и хлеба. Мне пора идти кормить жильца.

Пекари переглянулись и ничего не сказали. Собрали то, что заказала клиентка, и Марина отправилась восвояси. И только когда она отошла настолько, что уже не могла слышать, жена пекаря задумчиво сказала:

– Это дело нечисто.

– Что тут нечистого? – устало ответил муж. – Девочка влюбилась, помолодела. Что плохого?

– Дурак ты! – фыркнула жена. – Если бы от влюбленности молодели, все женщины только бы и делали, что влюблялись! Над ней лекарь поработал, лекарь-маг. У нее и фигура другая, и лицо – ты видел ее лицо?! Оно свежее, как у девчонки! Морщины пропали! А руки, руки какие?! Розо-

вые, гладкие! И платье на ней висит, она точно похудела. Я видела ее недавно, на рынке, подходить не стала. Она там с рабочими разговаривала – важная такая, и вся светится! Не то что раньше! Ходила, будто в гроб готовилась. А девчонка ее носится, как собака! Пыль столбом! Влюбленность, понимаешь ли!

– Красивая... – задумчиво, со вздохом сказал пекарь, провозжая стройную фигурку девушки грустным взглядом. – И ты была такая же... когда-то.

– Все мы были другими в юности, – тоже со вздохом ответила жена. – Жизнь придавливает так, что ни красоты, ни радости не остается. Только тяжелая работа. Хотя нам и грех жаловаться. Детей нажили, живем – другие завидуют. Так что...

– Молодость, молодость... ты думаешь, это тот парень? Ну... что у нее живет? Это он маг?

– Ну а кто еще? Она постоянно с ним. И приезжает с ним, и уезжает с ним. Это он ей лавку и устроил. Его к ней Вад привез, я видела. В прошлый раз, когда ее увидела, хотела у Вада узнать, что это за парень и где он его взял. Вад же у рынка стоит, так что мне все равно было мимо него идти. Ну, так вот: я спрашиваю, а он только лыбится, и ничего не говорит. А когда я на него напустилась, мол – чего молчит, жалко сказать, что ли? – он меня так послал, что у меня чуть уши на отлетели! Говорит, не лезь ни в свое дело, а то между ног склеится, и муж выгонит. Вот же гад!

– Хех! – фыркнул пекарь. – Вад никогда в кошель за словом не лазил. Лихо отбрил!

– Все вы, мужики, сволочи! Все заодно! – зло прищурилась жена. – Звал меня замуж Оган, отказала! За тебя вышла! Уж он бы точно не дал зарастить между ног-то! А ты когда в последний раз со мной был? Не помнишь?

– Знаешь, моя дорогая... ты помеси-ка тесто днями и ночами, и сразу память отшибет! – сдвинул брови мужчина, но рассердившаяся жена не отставала:

– То-то ты нее как смотрел! Все жопу разглядывал! Да сиськи! Что, на молоденьких потянуло?! Нехороша я тебе стала? Постарела, да? Сам из меня все соки выжал, превратил в рабыню, а теперь молоденьких надо? Да, зря я за Огана не вышла... сейчас бы в сметане лежала, да медом поливалась! Эх, ты...

– Ну, ну... перестань! – пекарь неловко притянул к себе жену и обнял, вытирая слезы на ее глазах большими пальцами, испачканными в муке – Я когда смотрю на тебя, вижу ту девчонку, которая так лихо отплясывала на празднике. А Огану я тогда нос разбил, помнишь? Он к тебе под подол полез, а я увидел – эх, и врезал ему! А потом мы с тобой в сарай к дяде Патру залезли, и на соломе я тебя в первый раз... ты так стонала, я так завелся – просто сожрал бы тебя всю! Ох, как я тебя хотел!

– Хи хи хи... – жена радостно хихикнула. – Да, Оган летел по воздуху шага два! Он мне в трусики залез, гад! А стона-

ла я потому, что во-первых было больно в первый раз, у тебя хозяйство... ого-го! А во-вторых этот гад Патр вилы там бросил, деревянные, здоровые, и они мне прямо в задницу кололи. Ты на меня лег, дергаешься, как ненормальный, а вилы каждый раз мне в зад втыкаются. А сказать не могу! Ты ведь рот зажал, чтобы не стонала! А то вокруг все ходят, услышат еще! Вот мой первый раз!

– Ха ха ха... и ты все эти годы молчала?!

– Да как-то к слову не пришлось. Кстати, мы тогда Димитра зачали. Когда женились, я уже на сносях была. По молодости ты вообще как ненормальный был – чуть куда в уголок зайду – тут же юбку задираешь и пристраиваешься. Думала – всю жизнь так будет.

– И я думал... – вздохнул пекарь, притянул жену к себе покрепче и погладил по спине. – Прости, милая, не смог обеспечить вам достойную жизнь. Пластаюсь, пластаюсь, а богатства все нет.

– Прости и ты... дура я, что тебе такое сказала, – жена утерла слезы – Ты ведь жилы рвешь, чтобы нас прокормить. Другие хуже живут. И слова дурного от тебя никогда не слышала. Вон, посмотришь на соседей, что творят – Эйнар как напьется, гоняет жену и детей, они криком кричат. А Герен – вечно деньги ищет на выпивку, жена жаловалась – прячет, чтобы купить еды, а он находит и пропивает. Дети голодные ходят. Так что мы живем лучше многих. Просто обидно... я еще ведь не старая, неужели уже все... только работа, только

тяжелый труд. Хочется любви, ласки, хочется...

Пекарь вдруг нагнулся, и легко, будто женщина ничего не весила, подхватил ее под колени, взяв на руки, и решительно зашагал к двери.

– Ты чего?! С ума сошел?! – охнула жена – Куда понес?! Зачем?!

– Сейчас узнаешь! Склеилось там все, говоришь?! А вот сейчас и проверим!

– Дурак! – женщина хихикнула и попыталась вырваться. Но сделала это очень осторожно, чтобы не подумал, что она в самом деле недовольна. – А клиенты придут?! Работать ведь надо!

– Да пошло оно все в жопу – фыркнул пекарь – Ты любви хотела?! Ласки?! Будет тебе ласка!

Через полчаса, в спальне.

– Да... есть у тебя еще стрелы в колчане! – довольно вздохнула женщина. – Давно такого не было! Теперь дня три враскорячку ходить буду! Это что, девчонка на тебя так подействовала? Так возбудила? Это случайно не ее ты сейчас трахал?!

– Да ты с ума сошла! – ответил пекарь как можно искреннее. – Где я, и где она! Кроме тебя мне никто не нужен! Я на других баб даже не смотрю!

Он поцеловал жену в большой коричневый сосок, сморщившийся на сквозняке, а перед его мысленным взором вдруг возникло милое девчачье лицо – такое красивое, такое

желанное! Синие глаза сияли, полные губы так и ждали поцелуя – розовые, и прекрасные. И пекарь вдруг почувствовал такое возбуждение, что не смог удержаться – повернулся к жене, снова задрал ей подол, решительно, почти грубо раздвинул ноги и вошел в нее, удивляясь такой своей мужской силе. А может и не удивляясь. Женщины, если закрыть глаза, на самом деле очень похожи своим телесным строением друг на друга. И если ты берешь одну женщину – значит, берешь их всех. И даже эту юную голубоглазую красотку, достойную ложа самого императора. Эх... где его двадцать лет!

А потом он заснул после тяжелой ночной работы, а жена пошла в лавку, встречать покупателей. Но перед этим причесалась, навела румяна, подвела глаза, и выглядела на свои сорок лет, а может и того меньше. Даже дочь заметила и удивленно спросила: «Мам, что с тобой? Ты сегодня какая-то не такая! Красивая, молодая...». Но Перилла только улыбалась и ничего ей на это не ответила.

Ну а что она могла сказать? О таком не говорят никому, даже дочке. Или – тем более дочке. Выйдет замуж – сама все поймет...

Глава 3

– Ты хорошо умеешь писать?

– То есть?!

– Ну... почерк у тебя хороший?

Марина задумалась, пожала плечами:

– Я бы... не сказала, что особо хороший. Красивому письму меня не учили.

– Тогда спрошу так: где взять человека, который умеет красиво писать?

– В администрации рынка, конечно! – не задумываясь ответила девушка.

Девушка. Вот иначе как «девушка» я теперь назвать ее не могу. Похоже, что переборщил с модификацией ее организма. И дело не в том, что она выглядит как семнадцатилетняя выпускница, нет! И не в том, что ее волосы потемнели! (чертова Мирей Матье... и в комнате было темно) Не знаю, что я с ней сделал, только теперь она катастрофически притягивает взгляды мужчин. Всех! Начиная с мелких мальчишек, и заканчивая древним дедом, который собирает лошадиное дерьмо с рыночной площади!

Пока ехали на работу, на нас тарасились так, будто рядом со мной сидит... я даже не знаю, кто... сам император? Да что мужчины – женщины, и те, глядели на девушку во все глаза, а потом пихали в бок собеседницу, с которой рядом

стояли, и провожали нас долгими, потрясенными взглядами.

Я что, магию в нее заложил? Мне всего лишь хотелось, чтобы Маринку все любили, чтобы она нравилась людям, чтобы мужчины мечтали о ней днями и ночами! Чтобы когда я исчезну, она сразу же нашла свое счастье. И вот что у меня получилось!

Магия. Я полный в ней профан. Я не знаю, как она работает, не знаю, что могу сотворить, не знаю, каковы будут последствия моих действий. Наверное этому учатся, только не знаю – где. Только вот сомневаюсь, что кто-то может обучать владению драконьей магией.

Сомневаюсь, что кто-то в мире на самом деле знает, как работает магия. Почему, каким образом маг может творить то, что он умеет. Почему простой человек не может своим желанием сотворить магию, а маг – может. Может, маги потомки богов? Или самого Создателя? Как там сказано? «Вначале было Слово». То есть – бог пожелал, и сотворил. И вот теперь мы, его прямые потомки, можем творить то, что недоступно простому человеку. Потомки Бога.

Но тогда возникает вопрос: а кто такие «простые люди»? Почему они не могут колдовать?

Нет. Не буду об этом думать. Пора привыкнуть к происходящему и принимать все так, как оно есть. Сейчас нужно сообразить, как развить бизнес. Клиент сам по себе не придет. Или придет, но... очень нескоро. Клиента нужно искать! Ловить, тащить и не пущать!

Я быстро объяснил Марине то, что от нее хочу, она кивнула, и отправилась в администрацию рынка, откуда появилась минут через двадцать в сопровождении молодого стряпчего, помощника главного стряпчего. Я объяснил ему то, что от него требуется, и усадил за стол. Нужно было написать одно письмо, а потом я воспользуюсь услугами местного мага – простейшая штука, перенос текста с одного листа на другой. Что-то вроде импровизированного «ксерокса», как у нас привыкли называть копировальные аппараты. А письмо я продумал заранее, и оно было составлено согласно всем штампам, уже навязшим в зубах у земного жителя. Но тут до этого мысль еще не дошла.

Уважаемый господин!

Зная вас, как одного из самых богатых и влиятельных людей, имею честь предложить вам оружие, достойное вашего внимания. Мое предложение сделано для ограниченного числа клиентов, так как подобные артефакты встречаются очень редко, и ценность их очень велика. Только самые богатые и разбирающиеся в редкостных вещах люди могут оценить предложенный мной товар. Предлагаю вам удостовериться в сказанном и поспешить, повторяюсь – количество артефактов ограничено.

В наличии имеются кинжалы и мечи, которых больше нет ни у кого в мире, и которые до глубины души потрясут любого их тех, кто их увидит.

Стоимость одного артефакта начинается от десяти

тысяч золотых марок. Повторюсь, я выбрала вас потому, что считаю вас достойным такого оружия, и способным его приобрести.

Мой магазин находится на центральном рынке, и называется «Лавка редкостей».

С превеликим уважением, госпожа Марина Гарс, купец милостью Создателя.

Сомневаюсь, чтобы здесь знали, что такое рекламные листовки и коммерческие предложения. Так что поле непаханое лежит перед нами.

Кстати, тоже встало в копеечку. Пришлось покупать бумагу для этих самых писем, покупать конверты, ну и размножать письма – а их получилось тридцать штук. Через администрацию выяснили, какие семьи считаются тут самыми богатыми и влиятельными, выбрали из них самых крутых, вот им и будут отправлены мои дацзыбао.

Вообще-то сомневаюсь, что они клюнут с первого раза. Ну, только представить, что торговец с центрального рынка, шаурмячник, присылает подобное письмо... ну... одному из замов Газпрома. И что, богатеи побежит на рынок в этот самый ларек, чтобы посмотреть, какую замечательную шаверму тот продает? Смешно, точно. Но... кто знает, может и выстрелит? Ну, хотя бы из любопытства придут.

Опять же – в этом мире, насколько я знаю, существует культ хорошего оружия. Ну, примерно так, как у нас мужи-

ки хвалятся купленными стволами, из которых можно хоть слона валить. И неважно, что они свою жопу поднимают с дивана только для того, чтобы пощупать попку молодой жены или любовницы, губы которых похожи на два раздутых пельменя. Зато – у него есть такое ружье, а у Митьки – нет! И Митька такой же – он покупает другое слоновое ружье и хвастается перед своим «конкурентом» – мол, а у тебя такого нет! И вот на это я рассчитываю. Не сами придут, так пришлют какого-нибудь помощника – посмотреть, оценить. За что ТАКИЕ деньги требуют? Ну не с ума же они сошли!

Наняли курьера развезти письма по адресам. И опять встало в копеечку. Вернее – в серебро. За каждое письмо, за доставку – десять медяков. Эдак я скоро нищим стану...

* * *

Секретарь с поклоном подал господину запечатанный конверт. Тот равнодушно посмотрел на желтый квадрат, показал одними бровями: «Распечатай!». Секретарь вскрыл конверт, используя нож для бумаги, вопросительно посмотрел на хозяина. Господин легонько кивнул, и секретарь достал из конверта кремового цвета бумагу размером ровно по конверту. Пробежал глазами, начал читать вслух. Мужчина слушал, и на его лице не отражалось ничего, кроме скуки и нетерпения. Дослушав, подумал секунды три, повел пальцами правой руки, лежавшей на подлокотнике кресла:

– Выбрось. Эти купчишки совсем обнаглели. И как только осмеливаются писать высокородным?

Подумал секунды три, спросил:

– Ты знаешь, что это за Гарс?

– Никогда не слышал, мой господин.

– Узнай, кто она такая. И... пошли в эту лавку кого-нибудь. Мне вдруг стало интересно – что же такое может стоить десять тысяч золотых. Я и представить не могу – что это такое. Может, клинки усыпаны бриллиантами?

Секретарь поклонился, по жесту господина вышел из кабинета, а хозяин его сложил руки на животе, сцепив пальцы, и закрыл глаза.

* * *

– Что?! Десять тысяч за клинок?! Наглецы! Какая-то баба?! Торгует оружием?! Что происходит с этим миром?! Куда мы катимся?! Сегодня они торгуют оружием, а завтра будут править миром?! Баба должна знать свое место! Рожать, управлять домашним хозяйством, молиться! Все!

– Что делать с письмом, господин? – секретарь почтительно поклонился.

– В печь! В печь его! Наглая баба... и как она только смеет?!

– Ха ха ха... десять тысяч! Даже если сделать клинок из золота, он не будет стоить десять тысяч! А ты заметил, Оран, ОТ десяти тысяч! То есть может быть и дороже!

– Заметьте, господин... в письме сказано «артефакты». Может это магическое оружие? Тогда его ценность возрастет неимоверно. Кстати, я на днях услышал, что купец Саломон продает некий клинок – нож, который легко режет любой металл, будто тот сделан из бумаги. Стружку снимает с самых лучших клинков. И рубит их, как деревянные. Вам не кажется, что это может быть то же самое?

– Саломон? Хмм... известная личность. И сколько он хочет за этот клинок?

– Пятнадцать тысяч золотом.

– Ох ты ж Темный его заведи! Пятнадцать тысяч?! За что?! За нож?!

– А других таких нет. Говорят, что нож уже купили, Глава Клана Алберд, господин Ойстра. Он любит редкие вещи.

– А ты сам видел этот нож? – заметно озадачился мужчина.

– Нет. Но я говорил с секретарем господина Ойстры, Массором, так вот он рассказывал, что на вид ничего особенного. Рукоять конечно украшена золотом, камешками, но самое главное – клинок. Его нельзя поцарапать – даже алма-

зом. И настолько острый, что... даже не с чем сравнить. Как я уже сказал, господин – этот нож снимает стружку с других клинков. Даже с Массаганских, славящихся своей твердостью.

– Ну, положим, твердость Массаганских клинков преувеличена – пренебрежительно отмахнулся мужчина – При том, что для клинка большая твердость нехороша. Он попросту может сломаться. Самые лучшие клинки делаются из нескольких слоев – внутренний слой мягкий, упругий, внешние слои твердые. Тогда он лучше всего сопротивляется ударам.

– Вам лучше известно, мой господин – поклонился секретарь.

– Да, мне лучше известно – задумчиво кивнул мужчина – Знаешь, Эдран, съезди-ка ты в эту лавку, посмотри, что и как. А потом доложишь. Вдруг и правда там что-то интересное? Пятнадцать тысяч... после того, как узнал о покупке Ойстры, цена в десять тысяч уже не кажется такой большой. Ты уверен, что Ойстра купил? Ошибки нет?

– Как я вам уже сказал, господин – мне об этом сказал секретарь. Если он мне солгал – значит, и я вам лгу. Все, что мог – я рассказал.

– Хорошо. Поедешь и посмотришь. Все посмотри внимательно! И что это за купчиха такая? Марина Гарс? Не слышал о ней?

– Никогда. Всех крупных купцов я знаю. И среди них точ-

но нет женщин.

– Понял тебя. Выполняй!

* * *

Половина золотого. Все, что у меня осталось после рассылки «спама». Сработает или нет – не знаю. Закончив с письмами, мы на некоторое время остались в лавке, обсуждая сделанную работу. Посетителей не было – кому здесь нужны редкости? На центральном-то рынке. Сюда ходит народ помельче, погрязнее. За дорогими вещами – в другое место, в квартал ювелиров. Но где бы еще деньги взять, чтобы купить магазин в том районе? Пока что обойдемся маленькой лавкой. Если информация как следует разойдется, если клиенты заинтересуются моими вещами – так и здесь найдут, где угодно найдут. Остается только ждать.

Домой поехали пораньше. Заперли лавку на два замка – внутренний и наружный, задняя дверь заблокирована изнутри, так что никто сюда не проникнет без нашего ведома. Драконьей магии здесь не знают, и замки открыть не смогут. Вот Айе эти замки были бы на один зуб – она как-то показывала мне шоу по вскрытию замков. Ни внутренние, ни наружные не выдерживали и минуты. Она щелкала их, как орешки.

Уже когда подъезжали к дому Марины, я услышал детские голоса, которые распевали песню на знакомый мотив: «Я акуленок, мама моя акула, папа акула!» Дети так вопили,

так старались, что я невольно ухмыльнулся – вот же запустил в этот мир «шедевр»! Эдак можно и до яблок на снегу докапаться! Или до «нас не догонят, нас не догонят!» Попса, она такая – быстро овладевает массами.

Как оказалось, Аньки среди вопящей уличной детворы не было. Она была дома – сидела на кухне и читала книжку, которую я купил ей в лавке книжника – старая, потрепанная книжка сказок обошлась мне в не такую уж и маленькую сумму. Но мне хотелось порадовать девчонку. У нее в жизни так мало было радости, а меня пара-тройка серебряников не спасут. И десять не спасут.

Да, цены на книги тут просто чумные. Оно и понятно – здешнее печатное дело не такое уж и дешевое. Магия, черт ее подери! Они печатают книги, перенося текст с одной книжки в другую с помощью магии! И сколько книг можно размножить таким образом в единицу времени? То-то же... цена просто запредельная. Как оказалось, есть маги, специализирующиеся именно на копировании. Слабые маги, они больше ничего и не могут, кроме как переносить текст на другой лист, но... заработки у них очень недурные. Кстати, надо как-нибудь попробовать – может, и я могу выполнять это действие?

Происходит оно очень забавно. Маг кладет перед собой тот текст, который надо перенести, рядом – чистый лист, и на чистый наливает немного чернил, ровно столько, сколько было бы потрачено на писанину пером (да, тут тоже исполь-

зуют птичьи перья для написания текстов). Потом маг читает переносимый текст, и на чистом листе появляется копия. Я понимаю это так, что маг как-то укладывает налитые чернила на новом листе, представляя прочитанное у себя в голове. Ну... мне так кажется, у мага я не спрашивал. И главное тут – угадать, сколько именно чернил уйдет на тот, или иной текст. Иначе придется их вытирать или убирать с помощью магии.

– О! Привет, мам! Привет, дядя Роб!

Анни отложила книгу, аккуратно ее закрыв и побежала к матери обниматься. Та погладила ее по голове, взгляделась, и тихо охнула:

– Что это у тебя с лицом?

Я присмотрелся и увидел, что под глазом девчонки вспух здоровенный такой бланш, и левый глаз смотрит на мир с эдаким подозрительным прищуром.

– Что такое?! Споткнулась? Ударилась? – не отставала Марина, видя, что дочка молчит.

– Стоп! – прервал я поток слов – Аня, кто тебя обидел?

Анька помолчала, закусив губу, потом решилась:

– Я с девчонками песенку пела... про акуленка, что ты нам пел, дядя Роб. Мы плясали и смеялись. Пришел мальчишка, взрослый, его Резгом зовут. Девчонки сказали, что он сын мясника. Он стал кидаться нас камнями, потом начал ругаться плохими словами. Я их не поняла, но девчонки сказали, что это плохие слова. Я ему сказала, чтобы он ухо-

дил, что так себя вести нехорошо. Тогда он меня ударил, и что-то плохое сказал про маму. Тогда я ему сказала, что его выпорют, раз он такой плохой мальчишка. И он меня снова ударил. Я упала и заплакала, а он убежал и смеялся. И сказал, что ему ничего не будет. Что мы нищие, и вообще – у нас дом отберут за долги, а маму в публичный дом отдадут. Мам, а что такое публичный дом? И что такое «шлюха»? Это что-то плохое?

Марина бессильно опустилась на табурет у стола, положила руки на колени и закусила нижнюю губу. Посидела так, вздохнула, посмотрела мне в глаза:

– Я не шлюха, Роб! У меня в жизни были два мужчины – мой покойный муж, и ты. А мясник негодяй. Когда мы голодали, он предлагал мне стать его наложницей, а когда я отказалась, он начал всем говорить, что я ему... в общем – за мясо, я делала ему все, что он хотел. Соседи не верили в то, что он говорил, но потом кое-кто стал верить. Мне вслед кричали гадости. И дети кричали. Дети ведь все слышат, что говорят родители, и у них что в голове, то и на языке. Мясник очень плохой человек. Говорят, что он первую жену до смерти забил, потом женился на второй, и тоже ее бьет. И дети у него такие же подлые. Трое сыновей, в точности похожие на отца.

Она помолчала, добавила:

– Когда женщина остается одна, ее некому защитить. Все считают, что она обязательно должна быть чьей-то наложни-

цей, что на большее у нее не хватит ума. Или идти в шлюхи. Ах да... доченька, забудь это слово. Оно нехорошее. Это плохой мальчик, он хотел тебя оскорбить.

Марина посмотрела на меня, глаза у нее вдруг расширились, и девушка заговорила быстро, взволнованно:

– Нет! Пожалуйста, не ходи к ним! Он очень сильный, очень злой, его все боятся! А еще у него брат служит в городской страже, и всегда его прикрывает. Брат лейтенант стражи, у него под началом сто пятьдесят бойцов! С ним лучше не связываться! Я знаю, что ты сильный, очень сильный, но против силы не попрешь!

И уже обращаясь к Аньке, добавила с болью и укором:

– Деточка... я же тебе сказала не выходить из дома! Зачем ты пошла? Почему ты такая непослушная?! Помнишь, чем кончилось, когда ты пошла гулять одна? Тебе переехала карета!

– Прости, мам... мне так хотелось поиграть с детьми! – серьезно сказала Аня. – Вы уходите, а я сижу одна. Книжек мало, играть не с кем. Мне так тоскливо и страшно одной! Я думала, выйду совсем ненадолго, поиграю, научу детей песенке. И вот... прости, мам.

– Иди сюда! – я протянул руку, и Анька радостно бросилась ко мне. – Больно?

– Совсем не больно! – радостно улыбнулась девочка, опухоль которой буквально на глазах стала рассасываться – Ой! И глаз лучше видит! Дядя Роб, ты такой... волшебник!

– Тсс! Никому не говори! – прикладываю палец к губам – Об этом знаем только трое – ты, мама и я! А то все будут ходить к нам лечить синяки. А оно нам нужно? Натопчут, сопрут еще чего-нибудь! Помалкивай, хорошо? Я просто дядя Роб, мамин постоялец.

Я погладил Аньку по голове, повернулся к ее матери и ровным, почти даже веселым голосом спросил:

– А где живет этот мясник? Кстати, как его имя?

– Не надо! – всполошилась Марина – Пожалуйста, не надо! Анни уже лучше, не ходи к ним! Он обязательно сделает какую-нибудь пакость!

– Надеюсь на это – пробормотал я по-русски, и спохватился – Говорю, ничего он не сделает. Пожалуюсь на обалдую сына, и все, назад. Так, где он живет? А вы пока что ужин спроворьте, что-то я проголодался. Утренние пироги остались? Неплохо ваш пекарь их печет. Но твои все равно лучше. Ты – мастер пирожного дела! Кстати, птичка, ну-ка, загляни вон в тот пакет. Там тебе кое-что приготовлено. Представляешь, шел по улице, вижу – лиса навстречу!

– Лиса?! – Анька ахнула – В городе?!

– Да. Самая настоящая лиса-колдунья с девятью хвостами. И вот она мне говорит...

– С девятью?! – перебивает Анька – Зачем ей девять хвостов?!

– Я же сказал – колдовская лиса! А хвостами она следы замечает, чтобы ее не поймали. А если будешь дядю Роба

перебивать – фиг тебе, а не сказка!

– Всё, молчу! – радостно завопила Анька, глаза которой горели от предвкушения.

– Так вот... – я сделал паузу и внимательно посмотрел на замершую девчонку. – Передай, говорит, ей, три пирожных. Одно – как птичка. Это – чтобы ей быстрее леталось. Второе – как лиса. Это – чтобы умнее была. И третье – как лягушка...

– Это – чтобы я скакала дальше! – не выдержав, радостно завопила девчонка.

– Нет – фыркнул я и помотал головой. – Это чтобы ты квакала громче!

Анька захохотала, я схватил ее, и начал щекотать ребра. Она стала визжать, вырываться, но я не дал ей сбежать, приговаривая: «Это тебе, чтобы слушалась маму! И чтобы не перебивала взрослых, непослушная лягушонка!»

А потом она убежала доставать из корзины угощение, и мы с Мариной остались наедине.

– Не ходи. Пожалуйста! – с трудом выдавила она из себя. – Мне сейчас так хорошо, что я боюсь в это поверить, и не хочу тебя потерять. Не ходи, не надо! Я чувствую, я знаю, что все это закончится плохо!

Я успокаивающе похлопал ее по плечу, мол – ништяк! Прорвемся! И сам из себя изображаю абсолютное спокойствие и уверенность. И конечно же, моя напускная маска спокойствия не стоит и ломаного гроша. Я киплю от ярости.

Мне хочется убить эту тварь, да и не одного мясника – всю его семейку. Этих тварей не перевоспитать.

Мясник живет в конце улицы, метрах в пятистах от дома Марины. Улица длинная, километр, не меньше. Так что здесь было всякой твари по паре. Были и хорошие люди, были и такие отморозки – вроде мясника. Раньше Марина ходила к нему за мясом, еще когда был жив муж. Но мясник все время норовил обвесить, подложить дурного, несвежего мяса, а еще – как-то раз попытался Марину облапить. Она вырвалась, убежала, а потом не выдержала и рассказала мужу. Тот пришел к мяснику и без всяких затей взял, да и набил гаду рожу. Два зуба выбил, нос сломал. Маринин муж был сильным парнем, не раз участвовал в боях стенка на стену – они иногда проводятся по крупным праздникам. Был скандал, брат мясника приходил, грозился, требовал компенсации. До суда дело дошло. Так вот нашлись свидетели, которые показали, что мясник пытался обесчестить мужнюю жену, а это вообще-то уголовное преступление. Мясника оштрафовали на круглую сумму, и присудили выплатить Марине виру за бесчестие. Судья попался дельный, не совсем уж коррумпированный.

Только вот примерно через месяц муж погиб. Якобы застрелили грабители. Марина подозревает, что тут руку приложил мясник, но как докажешь? Попробуй его ославить, могут и за клевету привлечь к ответственности. Доказательств-то нет!

Все это она рассказала мне перед тем, как я вышел из дома, предварительно отослав Аньку есть пирожные. Чтобы не слышала. Вероятно думала, что я напугаюсь и оставлю свои карательные планы. Вот только все вышло наоборот. Я абсолютно уверился в том, что этого козла надо наказать. Только наказать умело, так, чтобы комар носа не подточил...

Скоро я шагал по улице в сторону дома мясника, наслаждаясь вечерней прохладой и ветерком, слетевшим с заснеженных вершин гор. Вечером ветер всегда дует с гор, утром – с моря. Кстати, за все время, что живу в столице, так и не побывал на море. Впрочем, как-то и не тянет. Я никогда не любил море. Предпочитал горько-соленой воде чистые речушки Восточно-Европейской равнины. Березки – наше все! Вместе с речками и речушками...

Глава 4

Топ-топ-топ!

Оглядываюсь, морщусь. Только этого мне не хватало!

– Как ты выбралась из дома?!

– Мама ужин готовит, а я в туалет пошла и потихоньку убежала!

– Зачем?!

– Ну а как ты один пойдешь?! Ты же за меня ругаться пошел, я виновата! И что теперь, я тебя брошу?

– И зачем ты мне там?

– Ну... я покажу мальчишку, который меня обижал. А если его папа на тебя драться полезет – я мог его за ногу укусить!

– За пятку?

– Не-е... за пятку не буду. Пятка грязная и противная. Куда-нибудь еще укушу!

– Иди-ка ты домой, кусака!

– Не пойду! Я боюсь!

– А сюда не боялась бежать?

– Сюда – нет! Я быстро бежала. А когда отсюда пойду, то буду идти медленно, и меня кто-нибудь обидит. Ты же не хочешь, чтобы меня обидели?

– Маленькая гадкая шантажистка! Завтра не куплю тебе пирожное!

– Ну и не покупай. Все равно тебя не оставлю. И вообще, мама сказала, что от сладкого попа слипнется. Я не хочу чтобы слиплась!

– Вы две...

– Красавицы? Умницы?

– Одна точно красавица и умница, вторая маленькая засранка, которая устраивает неприятности.

– А я тебя все равно люблю, дядя Роб, хоть ты и ругачий!
А возьми меня на ручки?

– Ты что, маленькая? Может еще на шею посадить?

– Да! На шею! На шею!

– Девочкам не пристало ездить на шее у мужчин. Представляешь, если бы все девочки забирались к мужчинам на шею и ездили бы на них, как на лошадях?

– Здорово! Ха ха ха... Ну возьми меня на ручки, возьми!
А я тебе песенку спою – про акулу!

– Только не это! – пугаюсь я, и подхватываю девочку. Секунду думаю, и все-таки водружаю ее на шею. Анька почти ничего не весит – мелкая совсем. Держу ее за лодыжки, она счастливо смеется, вцепившись мне в волосы.

– Эй, эй, потише! Повыдергаешь волосы, я ведь лысым буду! И ты меня возненавидишь! Кому нужен лысый мужчина?

– Неправда. Даже если у тебя не будет ни волос, ни ушей, мы с мамой все равно будем тебя любить. Знаешь, как мама тебя любит?

– Как? – настораживаюсь, закусываю нижнюю губу. – Де-

ти... это такие шпионы! Ну все расскажут – надо это, или не надо.

– Она говорит, что тебя бог послал. Что ты ангел, спустившийся с небес. И что на тебя надо молиться. И что она так тебя любит, что...

– Здравствуйте! – приветствует меня незнакомая женщина, вышедшая из двора. – Анни, это ты ли?! Ох, какая красавица! Помнишь меня?

– Нет, тетенька! – отвечает Анька – А вы кто?

– Я тетя Мара. Я бывала у вас в гостях. Мама меня знает. А у кого на шее ты едешь?

– Это дядя Роб! Моя мама его очень любит, и говорит, что он посланец небес! И что она с удовольствием вышла бы за него замуж, только он не хочет ее брать. Вот! Дядя Роб красивый, сильный, я вырасту, и выйду за него замуж!

– Вот как? – женщина широко улыбается, и осматривает меня с ног до головы. – Красивый дядя Роб... и молоденький такой...

– Аня! – строго говорю я. – Закрой свой маленький ротик и не болтай то, чего не нужно! Я очень на тебя сердит! И обязательно пожалуюсь твоей маме!

– Прости, дядя Роб... я не хотела. Как-то само собой вылетело.

– Мари очень хорошая девушка, – серьезно говорит женщина. – Ты не верь, если про нее плохое будут говорить. Это все мясник... нехороший человек. Женишься на ней – не по-

жалеешь. Она со смерти мужа никого к себе не подпускала. А знаешь, сколько было охотников? Она ведь красавица!

Анька хотела что-то ляпнуть, но я стиснул ее лодыжку, и девчонка тут же заткнулась – поняла.

– А куда идете? – не отставала женщина, и тут я не успел.

– Идем мальчишку наказывать! К мяснику! – сообщила Анька. – Он сегодня меня обидел, и вот папа... дядя Роб идет к его папке, чтобы тот мальчишку напорол!

– Ох, ты ж... – женщина охнула, и прикрыла рот рукой. Постояла секунды три, подумала, пробормотала. – Вот что, парень... я сейчас мужа прихвачу, а еще к соседке зайду. Надо, чтобы свидетели были, когда ты с ним разговаривать станешь. Ты человек здесь новый, не знаешь, какой это дрянной мужик! Он тебя изобьет, а потом скажет, что это ты на него набросился. Знаешь, кто у него брат?

Пожимаю плечами, и поворачиваюсь, чтобы идти дальше. А что я могу сказать? Ну, знаю, и что?

– Аня! – говорю как можно холоднее, напуская в голос хрустящего инея. – Если ты не научишься молчать, нашьлешь на нас с твоей мамой большую беду. То, что ты рассказываешь, когда тебя не спрашивают – это неправильно и опасно. И вообще – нельзя чужим людям что-либо рассказывать о нас. Понимаешь?

– Понимаю – грустно говорит Анька. – Прости, дядя Роб... сама не знаю, как это получается.

До нужного дома оставалось метров пятьдесят, когда я за-

метил, как из ворот вышел крупный мальчишка лет тринадцати. А может младше – но выглядел он именно что на тринадцать-четырнадцать лет. Сытый, рыхловатый, но крепкий. Вырастет – будет настоящим громилой.

– Это он! Он! – зашептала Анька. – Это он меня стукнул! Вот этот плохой мальчишка!

То ли потому, что она при этом показывала не него рукой, то ли пацан сам узнал малышку, только он быстро сорвался с места, и мгновенно исчез за воротами дома. Ну что же... тем лучше, не придется стучать, звать хозяев. Доложит.

Когда подошел ближе, увидел, что во дворе за открытыми воротами стоит большая повозка, из которой грузчики носят свинные полутуши и большие куски говяжьего мяса. За всем этим наблюдает здоровенный мужичина, выше меня на полголовы, и шире в плечах раза в полтора. То обстоятельство, что у него имеется лишний вес и пузо торчит вперед сантиметров на сорок ничуть не вводило меня в заблуждение. Я видел, как такие толстяки играючи разбрасывали толпу крепких, спортивных парней, при этом почти не запыхавшись. Не стоит недооценивать противника. А то, что это мой противник – я ничуть не сомневаюсь.

Возле мужчины стоит давешний парнишка и что-то говорит папаше. Опять же – то, что это именно папаша шпаненка сомнений нет никаких. Практически одно лицо, уменьшенная копия, клон.

Я спустил Аньку с плеч на землю, покрепче взял ее за ру-

ку. Мясник стоит как и раньше, не обращая на нас никакого внимания, и только время от времени покрикивает на грузчиков, мелом что-то отмечая в дощечке, которую держит в руках.

Мы постояли минут десять, дожидаясь, когда этот скот обратит на нас свое монаршее внимание, потом я оглянулся и увидел давешнюю женщину, спешащую сюда на всех парах. Подойдя, она помотала головой и тихо сказала:

– Вот он, мясник! А этот негодный мальчишка, его сын, всех уже достал! Старшенький – говнюк самый настоящий. Кого хочет – ударит, а то плюнет, или камнем кинет. И все ему сходит с рук.

– Подержите Анни, хорошо? – попросил я, и передал руку девочки женщине. – А то вдруг куда полезет, она такая непослушная!

– Здоровенькая! – с удовольствием заметил подошедший сзади мужчина лет пятидесяти на вид, похоже что муж этой женщине. – Чудо! Само настоящее чудо! Я как узнал – не поверил!

Я кивнул им обоим, отметил, что сюда идет еще одна пара – мужчина и женщина, и решительно шагнул к мяснику, который уже закончил следить за разгрузкой и рассчитывался с грузчиками и мужчиной, который стоял рядом, видимо поставщиком мяса.

– Это ты мясник Гершан?

– И что? – враждебно спросил мужчина – Кто такой? Чего

надо?

– Твой сын сегодня ударил маленькую девочку. Оскорблял ее мать, называя нехорошими словами. Мне думается, ты должен заняться воспитанием сына. И в первую очередь начать с извинения. Эй, парень, не хочешь извиниться за то, что сделал?

На толстом лице пацана возникла глумливая улыбка, и он посмотрел на отца. Тот настороженно смотрел на меня, видимо соображал – опасен я, или нет. И скорее всего, пришел к выводу, что никакой опасности такая мозгля как я не представляет. Одет неплохо, но не по-дворянски. Значит, простолюдин. По размерам точно не подхожу для хорошей драки. Впрочем, что считать хорошей дракой? С его точки зрения, уверен – это когда втаптываешь с землю заведомо слабого противника. Встречал я таких ухарей за свою жизнь десятки, а то и сотни.

– Маленькую девочку? – ухмыльнулся мясник. – Это шлюхино отродье? Да я все жду, когда она подрастет, чтобы начать драть ее, как и мамашу! А то сейчас пополам порву! А ты что, женишок? Шлюху эту обслуживаешь? Да она всем тут на улице зад подставляла! И рот! По десять мужиков за раз ее драли! И эта... мелкая, пусть привыкает, моего пацана обслуживает. Пусть учится, пригодится в публичном доме!

Мне было физически больно. При девчонке говорить такие слова? Хорошо хоть она еще не понимает. Ну, вот как, как можно быть такой мразью?!

– Что ты такое говоришь? – заговорила женщина позади меня. – Зачем девочку поганишь?! Никогда она не была шлюхой, мы все ее знаем! Тебе не дала, вот ты и мажешь ее грязью! И это все знают! Бесстыжий!

Если я сейчас его убью – все закончится дурно. Он меня вызывает на драку, чтобы потом совершенно законно забить до смерти. Типа – защищался! Насколько я понял, его братец еще не все тут решает, есть судьи и независимые.

– А зубы-то выросли, придурок? – весело спрашиваю я. – Чего шепелявишь? Или тебе нарочно их выбили, чтобы... удобнее было? Уж больно много ты знаешь про эти дела!

Он вначале не понял, тупо уставился на меня. Потом до него стало доходить, покраснел, сжал здоровенные, как дыни кулаки:

– Ах ты ж тварь! Ну, сейчас я тебе...

Мясник шагнул ко мне, размахнулся, и огромный кулак с поразительной скоростью устремился мне в висок. Конечно же, не попал. Я уже в боевом режиме, и сейчас мог бы не только уклониться, но и легко сломать ему руку. А еще – шею. Но не стал этого делать. Только легко хлопнул подонка по щеке, от чего тот пошатнулся, но устоял на ногах, и пошел к Аньке, не обращая внимания на исторгающего грязную брань мясника. Похоже, что тот решил, будто я испугался, а свой промах отнес на счет случайности.

– Пойдем, детка – кивнул я Аньке, и взял ее ладонь из ладони женщины – И не слушай дядьку. Он глупый, сумасшед-

ший. В него демон вселился. На ручки пойдешь?

– Нет! Я уже большая! – важно сказала Анька – Тетя Мара мне сказала, что ездят на мужчинах только глупые женщины! А хорошие женщины идут с мужчинами за ручку.

– Умная женщина тетя Мара – кивнул я женщине, и мы зашагали по улице, сопровождаемые ревом и матом мясника. Она так орал, что у меня в ушах зазвенело. Но напасть со спины почему-то не захотел. Не знаю, почему. Может свидетелей было много? Грузчики, поставщик мяса, соседи. Одно дело втихую забить до смерти, без свидетелей, и другое – при всем честном народе. Эдак можно и не отмазаться. Опять же – я личность темная, кто знает, кто я такой?

– Вот ты где! – услышал я голос Марины, которая подхватив руками подол бежала нам навстречу со всех ног – несносная девчонка! Как ты посмела нарушить слово и уйти из дома?! Никаких тебе пирожных! Запру в комнате, и будешь там сидеть! Как тебе не стыдно?!

Позади меня кто-то охнул:

– Ох! Мари! Ты такая красивая и молодая! Эрис, ты только посмотри, какой она стала!

– Да-а... Мари, ты прекрасна! Я к тебе сватов зашлю! Старший мой, Гехен, все никак не женится! А увидит тебя – точно с ума сойдет от любви!

– Да ему семнадцать лет! – улыбнулась Марина – Какая женитьба?! Рано еще! Пусть погуляет!

– Уже двадцать – погрустнела женщина, продолжая ша-

гать рядом. – Время летит... как птица. Давно ты у нас не была. Чего не заходила? Мы всегда тебе рады.

– У вас своих проблем хватает – вздохнула Марина. – Еще и о моих думать. Я уж сама как-нибудь.

– Самостоятельная! – с непонятной интонацией протянула женщина, и глубоко вздохнула. – Где вот еще такую взять, в невесты моему обалдую? Как ни посмотрю, все невесты кривые, косые, и к тому же безрукие. Где хорошую невесту взять? Такую, как ты!

– А как они без рук пироги пекут? – вдруг вмешалась Анька. – Ногами, что ли?

– Да похоже что ногами. Потом не съешь – улыбнулась Мара. – Какая ты умненькая! Давно тебя не видела, выросла большой, красивой! И ножки ходят! Кто же это тебя так полечил?

– Это... – раскрыла рот Анька, и тут же ойкнула, заткнулась. Видимо Марина сильно сжала ей руку. Мара внимательно посмотрела на девочку, потом на меня, и похоже что-то для себя решила.

Мда... вот так шифруешься, шифруешься... а дети возьмут, да и все выложат случайным прохожим. Все твои тайны, вплоть до интимных. Беда с этими детишками, однако.

Мы попросались с Марой и ее соседями, с любопытством разглядывающими преобразившуюся Марину, и пошли дальше, держа Аньку за руки – я справа, Марина слева. Анька скакала, повисала на руках, Марина сердито бормота-

ла, выговаривая за шалости, но девчонка так и не успокоилась и до самого дома мы шли будто с игривой собачкой на поводке.

Мда... что-то я отвык от маленьких детей. Анька не ребенок, а какой-то фонтан энергии. Накопила за то время, что лежала пластом? А может это я поспособствовал, закачал в нее жизненной энергии столько, что сейчас у нее просто сносит плотину? Вряд ли. Скорее всего она такая по жизни и есть.

Потом мы сидели за столом, и ели. Марина купила холодного пива, и я с удовольствием выцедил пару кружек. Они его тут как-то газировали, и получалось не хуже, чем на Земле, а может даже и лучше. Уж здесь-то варят на совесть, и водой не разбавляют. Хотя... это не точно.

Аньку отправили спать, остались сидеть вдвоем за обеденным столом. Марина смотрела в окно, о чем-то думала, а я не прерывал ее мысли, потягивал пиво и наслаждался покоем. Мне в этом доме хорошо. Так хорошо, что даже страшно. Ведь хорошее всегда уравнивается какой-нибудь гадостью. Жизнь, как зебра... полоса белая, полоса черная. Пока что полоса белая. Но что будет дальше?

– Я так боялась! – вдруг сказала Марина, и посмотрела мне в глаза. – Одного мужчину я уже потеряла. Если потеряю тебя... не знаю, что буду делать.

– Да что ты будешь делать... – усмехнулся я. – У меня в комнате лежит завещание, по которому я передаю тебе лавку

в случае моей смерти. Я его оформил два дня назад и заверил у стряпчего. Так что... можешь теперь меня отравить! Ха ха ха...

– Ах! Что ты такое говоришь?! Как ни стыдно?! – возмутилась Марина. – Никогда так не говори, ты меня обижаешь! Я боялась, что ты полезешь в драку с Гершаном, и он тебя убьет. Или покалечит. Или ты его покалечишь или убьешь. И в том, и в другом случае – все плохо. Я снова останусь одна, и все мои мечты пойдут прахом!

– Мечты? – уцепился я за слова. – А какие у тебя мечты? Только честно!

– Честнее некуда – вздохнула Марина – Жить с тобой, любить тебя столько времени, сколько ты позволишь это делать. Нет, я ни на что не претендую, знаю, что мы не пара. Но если ты когда-нибудь сделаешь мне ребенка – я буду счастлива. Нет, нет, я не настаиваю! Не сейчас! Когда-нибудь! А еще – хочу быть полезной тебе. Торговать в лавке. Мне ужасно интересно, что у тебя получится. Приедут родовитые господа, или нет. И вообще... все так интересно! Ох, хорошо, что ты не стал связываться с этим негодяем! Я бы своими руками разорвала его на части! За мужа! За грязь, которую он на меня лил! Но... лучше не связываться. Наплевать на него, и забыть.

– Подожди еще – усмехнулся я. – Скоро он придет к нам, и будет валяться в ногах, прося прощения. Очень пожалеет о том, что наделал. Мельница богов мелет медленно, но

неутомимо. Все перемелет. И этого придурка – тоже.

А потом мы пошли спать, и любили друг друга со всем пылом молодых тел. Ну что ни говори, а все-таки приятнее спать не с прибитой тяжелой жизнью женщиной, а с молодой девчонкой, сохранившей пыл и умение, но обретшей юное спортивное тело красотки. Для себя старался, черт меня подери! Сделал все, как мне лично нравится. Почему бы и нет?

Вообще, я за эти дни много думал о том, что будет, когда мои умения вылезут наружу. А то, что вылезут – в этом сомнений уже не осталось. Шило в мешке не утаишь, лекарские способности от соседей не скроешь. И Аньку вылечил, и вдовушку сделал красоткой – слушок точно пойдет. Или уже пошел. И что мне грозит, если я засвечусь? Лицензии на лечение у меня нет. За нее, как я знаю, надо платить деньги. Но и ты и попробуй докажи, что я лекарь! Медицинского кабинета своего у меня нет, а то, что помогаю своим близким – это не возбраняется. Заработаю денег – может и патент куплю. А пока что я ведь денег за лечение не беру, значит и привлечь к ответственности меня нельзя. Если только верно трактую здешние законы.

Кстати, эти самые Непримиимые, драконы, которые спрятались среди людей, мне не представляются опасными. Никто в драконов уже не верит, и как я узнал – ответственность за магию земли давно отменили. Просвещенный век сейчас, не какие-то там дикари. Так что по большому счету

мне ничего не угрожает.

Нет, сам я вылезать на божий свет не буду, ограничусь продажей оружия, но если понадобится... можно все-таки выступить в качестве пластического хирурга. Кто мне мешает?

А что касается дяди наследника клана, который незаконно сел на трона Клана – так никто не поверит, что наследник вырос за считанные месяцы. Вообще-то я младенец... должен быть. Главное, по возможности, не демонстрировать свою наследную печать. Но даже если продемонстрирую... опять же, кто сможет сопоставить пропавшего младенца, и меня, здоровенного детинушку?

А может плюнуть на все? Жить, так как хочется? На полную катушку? Ну что я всего боюсь?! Хожу оглядываясь, не дай бог кто-то узнает, что я наследник Клана! Не дай бог узнают, что у меня есть драконья магия! Вот смотрю вокруг – так всем плевать, какая у меня магия. Ну, совершенно! Все хотят денег и сытной жизни. Как всегда, как и во всех мирах.

Ну а если кто-то все-таки попытается меня достать – я что, пятилетнее дитя? И дитя может сопротивляться, вон – даже за ногу укусить. А уж дракон-полукровка, так и подавно может дать отпор. Я ведь быстрее и сильнее любого из людей, мои раны заживают за считанные минуты. Убить меня – задача настолько сложная, что для этого надо очень, очень постараться. Так что если буду соблюдать элементарные правила безопасности – со мной ничего не случится.

Остается только купец с его дочкой, так и он совсем не дурак, и вряд ли устроит войну.

Мори? Ну что – Мори... поживем, увидим. Я против нее ничего не имею. Пусть приходит, поговорим. Она совсем не дура. Вот только помыкать собой я не позволю – никогда и никому. Не тот характер. Хех... если только Аньке! Но эта мелкая бесовка вызывает у меня неконтролируемые приступы мимимишности – ну не могу я пройти мимо нее, не погладив по голове! Это как с кошкой, которая при виде тебя потягивается и подставляет живот – чтобы погладили и почесали. Интересно, кто вырастет из этой чертовки? Энергии у нее на десятерых.

* * *

Магазины и лавки здесь открывают тогда, когда удобно хозяевам. И закрывают их абсолютно непредсказуемо. Устал работать, закрыл лавку, и пошел в трактир пить пиво. Всех денег не заработаешь! Жить-то тоже надо!

Я это давно заметил. Графиков работы никаких, денег срубил – и отправился отдыхать. Эдакий латиноамериканский менталитет. «Маньяна!» – то бишь «завтра!», что означает: «Может будет, может нет, но не сейчас»

Когда подходили к лавке, сразу заметил группу людей, стоявших возле входа, чуть поодаль, метрах в десяти. Хорошо одетые, но не похожие на господ, они поглядывали на

дверь лавки, и когда мы с Мариной и Анька подошли и начали открывать замки, замолчали и проводили нас долгим, оценивающим взглядом. Судя по всему, смотрели они на Марину, которая то ли на самом деле, то ли демонстративно, но совершенно не замечала их взглядов.

– Готовься! – сказал я ей, когда мы зашли в лавку. – Сейчас начнется. Видела у входа толпу? Это клиенты.

– По одному будем пускать? – деловито осведомилась она. Я задумался, потом медленно помотал головой:

– Нет. Этих можно пустить всех сразу. Места хватит, и вряд ли они схватят клинок и убегут. Тем более что все клинки на запорах.

Да, я решил изменить систему безопасности – каждый клинок, висящий на стене, теперь запирался на замок, и чтобы снять меч или кинжал, нужно вначале разомкнуть запор. Посмотрим, удобно это для работы, или нет. Время покажет. Если неудобно – потом придумаю что-то еще.

Аньку с книжками упрятали в комнату отдыха – пусть там сидит. После вчерашнего «развлечения» я не рискнул оставить ее дома. Эта девица просто граната, не знаешь, где и как она взорвется следующий раз. Пусть под надзором будет. Кстати, Анька была совершенно счастлива, что ее забирают на «мамину работу». Одной-то скучно!

Первым вошел мужчина лет пятидесяти – грузный, холерный, с застывшей на лице маской надменности и презрения. Вошел, по-хозяйски огляделся, поморщился:

– Воняет! Вы что, не могли хотя бы душистой водой побрызгать? Порядочным людям и войти сюда противно!

Марина промолчала, я тоже не сказал ни слова. Аньки не было – заперта в «клетке», так что ответить ему было некому.

– А что, вас не научили приветствовать важных гостей? – продолжил «наезд» посетитель. – Где поклон? Где уважение?

Марина улыбнулась лучезарной улыбкой, поднимаясь со стула, и вежливо сказала:

– А разве воспитанный мужчина не должен, входя в комнату, приветствовать женщину первым?

Грубиян покраснел, поджал губы, но ничего не сказал. Его взгляд впился в лицо Марины, и было видно, что его уверенность в себе дала трещину. Ну да, как-то стремно наезжать на такую красотку. Ладно бы какая-то старая карга, а здесь ТАКАЯ!

– Мы получили ваше письмо и я хочу посмотреть, что за товар вы предлагаете! – проворчал мужчина, никак не прокомментировав заявление Марины. – Что такое можно продавать за десять тысяч золотых!

– И за двадцать тысяч, – улыбнулась Марина – Наш товар только для самых богатых людей, тех, кто понимает толк в оружии. Что вам показать? Кинжал, меч?

– Меч! – буркнул мужчина, пожирая глазами Марину, вышедшую из-за прилавка, и в его взгляде было столько непри-

крытой похоти, что я снова выругал себя – на кой черт я ТАК ее апгрейдил?! Ох, наживу неприятностей из-за своей глупости! Но теперь уже поздно. Что будет, то и будет.

Глава 5

Когда хозяин приказал поехать, и посмотреть, что продают в этой лавке, Симон Агордас был очень недоволен. Ну что, что может продать какой-то там базарный купец, да еще если этот купец – женщина! Что это за Марина Гарс?

Симон навел справки – никто из купцов ее не знает. А еще выяснилось, что раньше эта лавка принадлежала обувщику, который съехал из этой лавки некоторое время назад. И вот, вдруг появляется Гарс!

Симон был советником главы Клана Хессаг, одного из крупнейших и богатейших Кланов империи. Этот Клан состоял из тридцати дворянских семей, выбравших предков нынешнего Главы для руководства сообществом – навечно. С тех пор, уже тысячу лет, Клан Хессаг процветал, подмяв под себя большую часть рынка Империи. Рудники, сталеплавильные заводы, оружейные мастерские, торговля зерном и пряностями – да чем только Клан не занимался! Каждый дворянский род специализировался на определенных торговых и производственных делах, и доходы в Клане делились согласно подписанному Договору, который не менялся с самого его подписания.

У главы Клана, Эдрега Азага Хессаг был свой пунктик, можно сказать увлечение – он собирал различные редкости, которые изредка появлялись в Империи. Целый зал в его

замке был отведен под артефакты времен Драконьей Войны, как он ее нередко называл. И чего только там не было – начиная с самых что ни на есть натуральных чешуек брони дракона, и заканчивая боевыми артефактами, которые давно уже разрядились и не могли составлять никакой опасности для окружающих (что очень радовало Симона, не любившего никаких магических предметов непонятного назначения.)

В общем, когда Главе пришло странное письмо, в котором предлагалось посмотреть редкое, и очень, просто-таки невероятно дорогое оружие – Эдрег направил в лавку своего ближайшего помощника Агордаса. Само собой – его, ибо верил своему помощнику как самому себе. Они вместе выросли, и можно сказать были друзьями. Если только у Главы Клана в друзьях может быть простолюдин. Мать Агордаса была кормилицей Эдрега, так что они ко всему прочему были и молочными братьями.

Симон никогда не опаздывал, потому прибыл на рынок заранее, только лишь рассвет окрасил розовым светом городские крепостные стены. Рынок открывается рано, еще затемно, и лавки работают с рассвета и до начала дневной жары. Потом закрываются до вечерней прохлады, и работают еще некоторое время – для тех, кто не успел купить утром. Так должна была работать и «Лавка редкостей», как ее назвала неизвестная купчиха.

Но Симон ошибся. Прошло несколько часов, прежде чем хозяйка лавки появилась у своего заведения. За это время

рядом с лавкой накопилось уже семь человек – посланцев своих господ. Все эти люди были доверенными лицами Главы Клана – секретарями, советниками, оружейными мастерами – кому, как не оружейному мастеру оценивать ценность предлагаемого оружия?

Симон переговорил с ними со всеми – в основном коллеги были настроены в высшей степени скептически. И почти каждый сказал, что если бы не воля господина, они сейчас же развернулись и тотчас отсюда ушли. Только один промолчал, хитро улыбнулся, и по его физиономии было видно – этот ушлый человек знает что-то такое, чего не знают все остальные. И эти самые остальные прекрасно это поняли, ибо глупых людей ни в секретарях, ни в советниках не держат.

Хозяйка появилась у лавки после десятого удара колокола на ратуше, когда солнце пекло уже совершенно немилосердно. Это была девушка самое большее двадцати лет от роду, голубоглазая и настолько красивая, что у всех, кто стоял рядом (и у Симона!) перехватило дух. И мало того, что ее лицо было совершенным, как если бы это была картина известного художника, так еще и ее волосы были собраны в странную прическу, которую не носит ни одна женщина Империи. И Симон подозревал, что фигура девушки настолько же совершенна, как и ее лицо.

Вначале он подумал, что возможно это помощница купчихи, или ее дочь, но когда увидел, как уверенно та держится, как привычно открывает дверь лавки, тут же понял – нет,

это та самая Гарс и есть.

Рядом с ней шел молодой парень, можно сказать юноша – соответствующего хозяйке лавки возраста, красивый, статный, но ничем особым не выделявшийся. Если только не считать того обстоятельства – КАК на него смотрела эта Гарс. Похоже, что девушка старалась скрыть истинное ее отношение к этому парню, но получалось у нее не очень умело. Смотрела Гарс как на любимого мужчину – мужа или любовника.

Скорее всего, мужа, потому что с ними вместе шла девочка лет пяти. Симпатичная, живая, шустрая – девчонка постоянно что-то говорила, подпрыгивала, и смотрела на парня и девушку так, как смотрит дочь, или любимая сестра. По возрасту, она вполне могла сойти за сестру – если только Гарс вышла замуж лет в тринадцать или четырнадцать. В Империи нет ограничения по возрасту при вступлении в брак, в отличие от соседних государств. Здесь брак можно заключить даже с младенцем. Просто придется дождаться, когда этот младенец вырастет, станет девушкой или парнем, способным произвести потомство.

– Я войду первым, господа! – объявил Симон в очередной раз, и очередь возражать не стала. Пока ждали, договорились, что входить в лавку будут по прибытию. То есть кто в каком порядке пришел к лавке – так и будет входить. На стене лавки была прибита деревянная дощечка, в которой говорилось, что входить в лавку можно только по одному.

Настроение Симона сделалось еще более отвратительным. Мало того, что прождал несколько часов, мало того, что поджарился на солнцепеке, так еще и лавочница оказалась красоткой, годной только для гарема! Нет – ну а что еще делать с молоденькой глупой красоткой, в маленькой прекрасной головке которой хранятся только лишь мысли о нарядах и постельных утехах? И другое там задержаться просто не может! Вот если бы лавочница была пожившей, повидавшей мир женщиной, если бы она была уродлива, либо похожа на мужчину и повадками, и внешностью – тогда, да. А эта мелкая шлюшка – что она может?!

Как ни странно, в лавке оказалось довольно-таки прохладно, как в одном из дорогих магазинов центра города. Ясное дело – работа мага-стихийника, зарядившего амулет на прохладу. Такими многие пользуются, но точно не лавочники с рынка. Дороговато для простых лавочников.

Запах. Краска, наверное. Воняло краской. У Симона даже голова заболела. Человека с головной болью раздражает все на свете, и тем более безмозглая красотка, сидящая перед ним за прилавком. Потому Симон не счел необходимым поздороваться, и лишь высказал свое мнение о лавке, о чем сейчас же пожалел. Девчонка оказалась зубастой, и тут же поставила его на место. Действительно, если ты воспитанный мужчина, поздороваться с женщиной твоего статуса – это даже не правило хорошего тона, это обязанность. Если только она не ниже тебя положением. Например – он был бы

аристократом, Главой Клана, а она простая лавочница. Но даже в этом случае воспитанный мужчина, даже если он аристократ, не позволит себе потерять лицо перед красоткой. В общем, все сложно, и господин точно не похвалит за подобное поведение.

Когда ему в руки дали меч, предупредив, чтобы он не дотрагивался до острия клинка (не пробовал его остроту пальцем) – Симон только усмехнулся. Кого они хотят учить? Этот дурацкий меч точно не самой лучшей выделки! По нему же видно! Грубая железка, к которой приделали рукоять мореного дуба! Всего-то навсего! И эти люди хотят за ТАКОЕ двадцать тысяч?!

– Двадцать пять – поправила его девушка – Двадцать пять тысяч полновесных имперских золотых марок.

– Двадцать пять! Да вы с ума сошли! Вы идиоты! – завопил Симон, и потряс бросовым клинком – за это?!

Его рука соскользнула по клинку, мизинец лег на режущую кромку, и... Симон почувствовал резкую, острую боль. Он посмотрел на руку – двух фаланг пальцев как не бывало, мизинца и безымянного. В разрезах виднелись белые косточки, а еще из обрубков хлестала кровь – брызгала так, что залила весь пол подле Симона.

Он невольно выпустил меч, со звоном ударившийся о пол, парень, что сидел рядом с лавочницей предупредительно закричал, и Симон с ужасом понял, что сейчас ко всему прочему едва не лишился ноги – меч отскочил, и рубанул совсем

рядом от ступни.

– Ну что же вы так неосторожно, господин! – с досадой сказал парень, шагая к Симону с чистой тряпкой в руках. – Мы же вас предупредили! Давайте я вас перевяжу!

– Я перевяжу – выскочила из-за прилавка лавочница, и бросилась к плохо соображающему от боли и потрясения Симону. – Роб, а ты позови кого-нибудь с улицы, пусть его отведут к магу-лекарю! Иначе потеряет пальцы. Маг их прирастит.

Парень открыл дверь и в открытый проем громко и четко сказал:

– Господа! Прошу внимания! У нас произошел несчастный случай! Клиент не внял предупреждению и случайно ухватился за клинок, в результате чего потерял два пальца. Не могли бы вы послать слугу, или сходить лично и пригласить сюда лекаря-мага? Иначе этот уважаемый господин потеряет свои пальцы. Пожалуйста, господа!

Никто и не подумал двинуться за лекарем. Все стоявшие у дверей потенциальные клиенты ринулись внутрь лавки и едва не сшибли помощника лавочницы с ног. Вбежали, и остановились, жадно глядя на бледного, как мел Симона, на лужу крови, расплзающуюся по полу, на молодую красавицу, которая перевязывала несчастного Симона, и на меч, лежавший на полу возле его ноги. Картина была конечно же эпической, и ее следовало прояснить. Потому один из вошедших в лавку строго спросил у Симона:

– Что здесь случилось?! Как это произошло?! Тебя ударили мечом?!

– Схватился за клинок, – через силу, со стоном пробормотал Симон, которого уже тошнило от боли – Господа! Пригласите мага-целителя, окажите мне услугу! Я сейчас потеряю сознание...

Подтверждая свои слова, Симон закатил глаза и начал заваливаться назад, рискуя ко всему прочему еще и разбить затылок о пол. Само собой, никто не из вошедших в лавку и не подумал его ловить – проблемы Симона, это его проблемы. Если он такой идиот, что отрезал себе пальцы, так кто тогда ему злой Темный? Хорошо еще голову себе не отсек! Болван...

Симона удержал паренек, что постоянно был при лавочнице. Он неожиданно легко и быстро подхватил Симона на руки и положил его на прилавок, чем вызвал легкое удивление присутствующих. Впрочем, они тут же забыли о несчастном Симоне и об этом лавочнике, уставившись на валявшийся на полу меч. Потому и не обратили внимания на то, как парень вышел из лавки, а потом вернулся назад, кивнув красотке в испачканном кровью платье. Видимо испачкалась, когда перевязывала, либо когда Симон тряс больной рукой, из обрубков пальцев которой обильно текла кровь.

– Мда... на вид ничего особенного, – сказал высокий худой мужчина, осторожно, за рукоять подбирая с пола меч. – Хотя... смотрите, господа... по режущей кромке черная по-

лоска. Видите ее? Я лично никогда такой не встречал! Госпожа Гарс, это что такое? Откуда взялись мечи?

– Это тайна, уважаемый господин, – твердо объявила девушка. – Я не намерена ее раскрывать никому. Вообще – никому.

– Рукоять сделана недавно, – заметил второй мужчина. – Если бы это был древний артефакт, то форма ее была бы совсем другой. Это новодел. Кто-то делает такие клинки сейчас, в наше время.

– А вы не допускаете того, что рукоять может быть сделана и сегодня, а вот сам клинок – древний? Замечу, что форма клинков не меняется тысячелетиями. Зачем ее менять, если наши предки давным-давно нашли самые эффективные в работе формы оружия. Они были поумнее, чем мы, знали, как делать клинки.

– Хмм... да, уважаемый Есгер... и такое может быть, – подумав, кивнул худой, и все закивали в ответ. Они не видели, как облегченно расслабилось лицо парня, стоявшего позади них – У кого-нибудь есть кинжал?

Все молчат. Тогда худой вздохнул, полез под полу легкой куртки и под улыбки собеседников (жлоб!) достал небольшой кинжал.

– Попробуем... – не обращая внимания на ухмылки конкурентов, пробормотал мужчина, и, взвесив на руке меч, перевернул его режущей кромкой вверх. Правой рукой поднял свой кинжал и резко, с силой опустил его клинок на меч. По-

слышался звон, и в пол ударился кусок металла.

– Вот это да! – выдохнул один из гостей, и все уставились на обрубок кинжала, оставшийся в руке худого мужчины.

– Это же... массаганская сталь! – растерянно сказал худой. – Как такое возможно?!

Он повернул руку ладонью вверх и осторожно, чтобы не коснуться рукой лезвия клинка, провел по нему перстнем, в котором блестел довольно-таки крупный бриллиант. Следа на клинке не осталось.

– Вот это да! – повторил тот же гость. – Есть о чем доложить господину!

Все посмотрели на лавочницу, которая стоял возле прилавка, на котором лежал бесчувственный Симон, и худой медленно выговаривая слова, тихо спросил:

– И что, у вас все клинки ТАКИЕ?!

– Да, – кивнула она, и улыбнулась мужчине светлой, ясной улыбкой, обнажая безупречно белые, здоровые зубы. – Все, что выставлены для продажи. Этот клинок стоит двадцать пять тысяч золотых марок. наших марок, имперских, не легких, заграничных. Теперь, господа, вы уверились, что мы вас не зря приглашали?

Молчание. Переглядываются. На лицах удивление и растерянность.

– Прошу отложить этот клинок на два дня! – кивает на меч худой, и тут же раздаются голоса конкурентов:

– Почему? С чего вдруг?! Нам тоже нужен такой клинок!

Никаких откладываний! Кто первый придет с деньгами, того он и будет! Госпожа Гарс, вы согласны?

– Здесь больше двадцати клинков, господа! – девушка улыбнулась так красиво, что мужчины невольно замерли (откуда взялась эта красавица?!). – Вам всем гарантированно достанется по клинку, и еще останется. Но это будет недолго. Поспешите, пожалуйста, за деньгами. Банковские обязательства принимаю, но часть золотом. Например – по двести золотых с клинка. Чисто на карманные расходы. И вот еще что: ножен для них нет. Вы сами заказываете ножны – какие хотите. И где хотите. По вкусу. Всего вам доброго, господа! Идите, и возвращайтесь, мы вас очень ждем. А нам нужно заняться раненым. Вот как раз и лекарь прибыл. Кстати, вы не желаете помочь вашему другу? Оплатить услуги лекаря?

Молчание. Потенциальные клиенты заторопились, и цепляя плечами мужчину с кожаной сумкой в руке и знаком лекаря на груди, быстро покинули лавку. На их каменных лицах, если присмотреться, можно было разглядеть оттенок злорадства и насмешки. Если некто идиот – почему другие должны расплачиваться за его идиотизм?

* * *

– А мне оплатят услуги? И срочный вызов? – подозрительно спросил лекарь, глядя на лежащие рядом с раненым пальцы. – Это непростая операция! Мне придется...

– Вам все оплатят! – перебил его я, прикрепляя на место меч, лишивший спесивого дурака пальцев – Деньги есть.

– Сколько будут стоить ваши услуги? – осведомилась Марина, настороженно следя за лекарем. Он как раз ставил свой баул на прилавок.

– По золотому за палец! – не моргнув глазом, объявил лекарь, и недовольно взглянув на Марину, пояснил. – Ну а что вы хотели? Нужно срастить кости, нужно срастить мясо, кожу. Сделать так, чтобы пальцы потом двигались. Да и крови он много потерял – и это нужно учесть. Вы думаете, это так же просто, как выковать какую-то железку? Это ведь человек!

– Один золотой! – отрезала Марина. – Это не позвоночник сращивать! Всего лишь два пальца! И посмотрите – они отрезаны не по суставам, а значит, не нужно восстанавливать подвижность этих суставов. Потому не надо завышать цену, это нехорошо!

– Это вам нехорошо, а мне хорошо! – не отступил лекарь. – Два золотых, и ни медяком меньше!

– Да Темный с ним – махнул я рукой Марине, заглядывая в кошель, который снял с раненого – Есть деньги. Пусть делает. Только мы проверим – если плохо сделает, будет иметь проблемы.

– Я всегда хорошо делаю! У меня есть лицензия общества лекарей! – гордо вскинул голову лекарь – Мастера Годвина знают все, и вы не смеее...

– Ладно, ладно! – я примиряюще вскинул ладони. – Пого-
рячился, извините. Видите, что тут случилось? Мы все нерв-
ничаем, все в крови, человек лежит... мы люди мирные, кро-
ви боимся, не то что вы, лекари! Вам небось этот случай как
в носу поковырять!

Лекарь фыркнул:

– Хех! Ну у вас и сравнения. Нет, случай не такой уж и
простой, хотя и не скажу, чтобы совсем уж сложный. Бывает
и сложнее. На днях услышал, как некий лекарь вылечил лю-
дей от Черной Смерти, представляете?! Вот там – да! Слож-
ный случай, вернее – безнадежный. А тут... непросто, но ре-
шаемо. Кстати, я не очень верю слухам про этого лекаря –
Черную Смерть не лечат.

– Черная Смерть?! – ахнула Марина, и поднесла руку ко
рту. – И где такое?! Что, у нас?!

– Нет, нет! Не беспокойтесь. Это на севере, городишко
один... говорят – весь вымер. Караван оттуда пришел, с той
стороны. Шел через город. Так вот в караване заразились
несколько человек, и выжили только потому, что какой-то
лекарь их вылечил. Совсем молодой парень, вроде вас. Вра-
нье, конечно же... лекарь достигает умения к годам трид-
цати, не раньше, но большинство – к сорока. И чтобы вот
так, вылечить Черную Смерть?! Чушь, конечно. Но... чего
на свете не бывает?

Марина вдруг посмотрела на меня. Я это чувствовал, и
можно сказать видел – боковое зрение у меня очень хорошее.

Но виду не подал, как можно равнодушнее ответил:

– Болтовня, наверное. На базаре и не то наболтают. Вы готовы лечить? Боюсь, что отрубленные пальцы придут в негодность, и тогда не прирастут. Так-то все равно, он мне никто, но ваш авторитет может быть поколеблен.

– Мой авторитет ничего не может поколебать! – усмехнулся лекарь. – А говорили мне люди, заслуживающие доверия, так что с большой долей сомнений я все-таки могу им поверить. Но как настоящий ученый, должен во всем сомневаться. И вот еще что скажу: прогресс не стоит на месте, лечебное дело движется вперед! И возможно еще при нашей жизни мы увидим, как лечат не только переломы позвоночника или понос, но даже Черную Смерть!

– Не дай нам Создатель увидеть, как лечат Черную Смерть – выдохнула Марина. – Вы меня пугаете, уважаемый Мастер!

– Ну что вы, госпожа! – довольно усмехнулся лекарь. – И намерения такого не имел! Это чистая правда. Вашей красоте ничего не грозит. Если только переедание...

– Господин лекарь! Приступите же к лечению, наконец! – нетерпеливо перебил я этого распушившего хвост павлина. – Время идет!

Лекарь недовольно поморщился – ну как же, он так умничал, так старался перед красавицей, и тут какой-то шпингалет его прерывает. Нехорошо-с! Но видимо все-таки вспомнил, ради чего пришел, и начал работать. А я с интересом наблюдал за его действиями.

Первым делом лекарь безжалостно сорвал повязки, от чего начавший приходить в себя господин снова потерял сознание. Похоже, что про обезболивание тут не имели никакого понятия. Или просто не посчитал необходимым обезболить. Снова потекла кровь, и Марина отвернулась, побледнела. Не ожидал от нее такой чувствительности, казалось бы – прошла огни и воды, а вот поди ж ты...

– Мне напомнило о том, как принесли Анни, – шепнула она мне. – Она вся была в крови. И пальчики тоже...

Я кивнул. Ну да, понятно... цепочка ассоциаций. Бывает. Ну а я продолжил смотреть за лечением.

Лекарь намазал культяшки пальцев какой-то опалесцирующей мазью, светившейся неприятным радиоактивным зеленым светом, и по одному прилепил оба обрубка. Как ни странно, они не отпали, а встали на места, и только красная линия показывала место разреза. А дальше лекарь стал водить руками, изображая что-то вроде дирижирования, и... красные линии начали исчезать.

Через полчаса от ранения не осталось и следа. Я отсчитал два золотых, использовав серебряные марки из кошелька пострадавшего, и лекарь ушел, сказав, что больной через некоторое время очнется сам. Мастер его усыпил, чтобы тот не мешал работать. Вот и все лечение.

– Это ведь был ты! – тихо сказала Марина, глядя на меня странным взглядом. – Ты победил Черную Смерть!

– Какая разница? – вяло ответил я, наконец-то усаживаясь

в кресло. – Надо кровь с пола убрать... негоже, когда в лавке лужа крови. Это дурно влияет на продажи. Слушай, может нам уборщицу нанять?

– Я не ожидала, что они ТАК набросятся на товар, – проигнорировав мое замечание ответила Марина. – Такие деньги! За что?! За железки, которые рубят другие железки?! Почему?! Я не понимаю! Думаешь, и дальше будут покупать за эти деньги?

– Это редкие вещи, – терпеливо пояснил я. – Их больше ни у кого нет. Теперь – будут. Купят самые богатые и успешные. Об этом узнают и те кто не так успешен и богат, но может себе позволить такие траты, на самом деле не очень-то и большие. Богатые люди получают доход в сотни тысяч, в миллионы золотых. Что им какие-то десятки тысяч за редкую вещь? Тем более что через некоторое время ее можно продать за те же деньги, а может и дороже. И это касается не только оружия. Кстати, есть у меня пара задумок... если получится – это будет забавно. И принесет большой доход. Впрочем, рано обольщаться – денег-то еще нет! А вдруг не придут? Вдруг не купят?

– Купят! – уверенно сказала Марина. – Закрой двери в лавку... я приберу кровь. Не хочу, чтобы кто-то увидел, как я прибираюсь сама. Я ведь все-таки важная купчиха. Может и правда нам надо нанять уборщицу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.